
ПЕЧАТНИК
ТОМ ТРЕТИЙ
ЛИТЕРА
ДМИТРИЙ УСАЧЁВ

Дмитрий Усачёв

Печатник. Том 3. Литера

«Автор»
2026

Усачёв Д.

Печатник. Том 3. Литера / Д. Усачёв — «Автор», 2026

После событий в Крони Илья Кострин оказывается в ссылке. Его печатные листы продолжают расходиться, но вместе с ними распространяются чужие поправки и непроверенные обещания. Чтобы исправить ошибки и наладить связь между городами, Илье приходится покинуть Стынь и добраться до Вальбурга.Там он берётся за новое издание — «Литеру». Напечатать общий текст недостаточно: его ещё нужно доставить, дождаться ответов и договориться с людьми, которые не обязаны доверять редактору. Чем дальше расходится бумага, тем труднее решить, кто вправе говорить от имени остальных.

© Усачёв Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На сгибе 6
Глава 2. Обратный адрес 10
Глава 3. До заработка 14
Глава 4. Место для бумаги 18
Глава 5. Литера 22
Глава 6. Получено 28
Глава 7. Чужая касса 32
Глава 8. Место у двери 36
Глава 9. Под строкой 40
Глава 10. Пробный лист 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Дмитрий Усачёв
Печатник. Том 3. Литера

Печатник. Том 3. Литера

Глава 1. На сгибе

Утром Ермолай попросил меня переписать лист.

За ночь подклейка отошла. Бумага распалась по сгибу, и теперь он держал две половины, совмещая их на колене. У печной дверцы было темно; он пересел к окну, где хозяин оставлял тетрадь заказов, и положил половинки поверх раскрытого счёта.

— Только покрупнее. У тебя рука ровная.

Я придвинул лист. Под вчерашней строкой о полном сборе стояло: «После отпускания проверить новое». Дальше край был истёрт до рыхлой белой полосы. Два слова я ещё различал; следующих не было.

— Что здесь было?

Ермолай наклонился.

— Про память. Я помню.

— Как?

Он прочёл вслух начало, не глядя. Потом остановился, провёл ногтем вдоль сгиба.

— Что имя сказать. И место назвать.

Имя и место были до опыта. После требовалось проверить то, что дали запомнить перед самым началом: новое слово, положение предмета, короткую последовательность. Своё имя Гриша называл и после Крутого Лога.

Я спросил, остался ли печатный лист.

— У человека в пересыльной. Я ж тебе говорил.

— А кто ещё списывал?

— Да откуда мне знать?

За окном хозяин сбрасывал с полозьев снег. Скребок дребезжал по железу. Мы оба повернули головы: он мог войти в любую минуту.

— Я перепишу, — сказал я. — Только это место надо восстановить.

— Ты откуда знаешь, что там было?

Я посмотрел на две половинки. Вчера ещё можно было кивнуть и отдать ему его бумагу.

— Видел такой в Крони.

Ермолай поднял правую половину, поднёс к свету. Сухой край задел рукав и осыпался на хозяйскую тетрадь.

— Тогда пиши.

* * *

Чистый лист стоил две копейки.

В лавке были и дешевле, но тонкие, с прозрачными полосами. Я подержал один против окна и положил обратно. Лавочник спросил, для прошения ли; для прошения он советовал белый. Я взял плотный серый, пол-листа оставил на хозяйский счёт.

Одну копейку я вычел из своих денег на масло. В мастерской лампу гасили, когда хозяин уходил спать. После этого мы могли жечь свою, если было чем заправить. Заказы я пока переписывал засветло.

Хозяина звали Гаврила Сидорыч. Он делал сани с широкими полозьями и не любил, когда их называли розвальнями: розвальни, говорил, на дороге болтает, а на этих бочку довезёшь. По утрам от его фартука пахло разогретой смолой. Указательный палец на левой руке не сгибался, и карандаш он зажимал между большим и средним.

Я объяснил, что вечером нужен стол.

— Стол общий. Заказы кончи, потом садись.

К вечеру пришёл человек, заказавший новые оглобли вместо старых. Старые Гаврила Сидорыч принёс со двора. Они лежали между нами, мокрые, со въевшейся в трещину конской шерстью. Заказчик требовал записать, что лопнули сами.

— Запишем, что принёс лопнувшие, — сказал хозяин.

Я написал именно это. Потом ещё три заказа и два расчёта, которые он велел прочесть вслух. Когда закончили, света оставалось на полчаса.

Ермолай стоял возле перегородки. Сложенные половинки держал в шапке, чтобы не растерять.

Я очистил стол, положил плотную бумагу и написал заголовок крупнее остального. Рисунок увеличил, чтобы между цепями оставалось место. Первых отделил короткой поперечной чертой.

— Это ещё зачем? — спросил Ермолай.

— Чтобы не спутать, откуда считать.

Он придвинул к себе старый рисунок.

— У меня не спутано.

Я отложил перо.

— Твой тоже оставим.

Мы перечитали оба. В старом действительно можно было различить первых; только две линии слиплись на жирном пятне. Я не стал обводить их чернилами. Ермолай придерживал края, пока я дописывал предупреждение об убыли, и попросил не делать его мельче команд.

Последнюю строку я написал отдельно: «Проверка не доказывает отсутствия поздних последствий».

— Этого там не было, — сказал он.

— Не было.

— А почему ты прибавил?

— Потому что поздно мы проверяли мало.

Перо оставалось у меня в руке. Ермолай смотрел на него, потом перевёл взгляд на моё лицо.

— Ты был там?

В мастерскую вошёл Гаврила Сидорыч с ведром. Поставил возле печи, сказал, чтобы на ночь закрыли заслонку не раньше углей. Я накрыл рисунок заказами. Хозяин вытер руки о фартук и ушёл за перегородку, где у него была своя комната.

Я дождался, пока скрипнула кровать.

— Был.

Ермолай сел напротив. Не спросил имени. На столе между нами лежали листы, и верхний уже начал коробиться от сырости старых оглобель.

Он убрал его на сухой край.

* * *

На следующий вечер Ермолай привёл женщину.

Она осталась у дверей, пока не спросила разрешения войти. На платке таял мелкий снег. В руках была корзинка с двумя деревянными кружками; одну она продала хозяину за шесть копеек, вторую поставила на край стола.

— Это вам, если надо. Без денег не могу.

Кружка мне была не нужна. Ермолай назвал женщину Агафьей и сказал, что я умею читать мелкий набор.

Агафья не развернула бумагу сразу.

— Вы про Жилу понимаете?

— Смотря что.

— Как людей держать.

Я велел Ермолаю закрыть наружную дверь. Он закрыл и остался возле неё. Агафья сняла мокрую варежку зубами, вынула из-за обшлага сложенный лист. От бумаги пахло рыбой. Угол был отрезан, но текст сохранился.

Это был другой набор.

Я увидел прежде всего двенадцать мелких знаков. Все двенадцать на месте. Косая метка внизу чужая, не с молотка Плужина. Рядом приписано карандашом: «Долин, снимать после третьей команды».

— Где Долин?

— Город. Муж оттуда привёз. До высылки ещё.

Я прочёл команды. До полного сбора не касаться. Одиннадцать первых, за каждым шестеро. Четверть часа. Отпускание вместе.

Внизу, уже после предупреждения о памяти, добавили: «Для прочности открытия повторить на следующий день».

— Вы повторяли?

— Я нет. У нас под горой собираются. Ермолай сказал, вы объясните.

Я поднял глаза. Он не отступил от двери.

— Сколько человек?

— Пока сорок с чем-то. К весне надеются. На водоотлив хотят.

— Кто велел повторять?

Агафья коснулась карандашной надписи.

— Там, должно, пробовали.

Мы прочли строку ещё раз. Ни места опыта, ни числа участников, ни результата возле неё не было. Только обещание прочности.

Я сказал, что повторение на следующий день не проверено. Агафья спросила, означает ли это, что нельзя.

— Означает, что мы не знаем, что будет с людьми.

— А один раз знаете?

Она произнесла без насмешки. Ермолай передвинулся у двери, наступил на щепку.

Я рассказал о Крони столько, сколько мог подтвердить: собрали семьдесят семь; открыли; сразу проверили память. Некоторые проверки повторили позже. Это не давало мне права обещать, что через год у каждого останется всё прежнее.

Агафья слушала, держа руки на коленях. Красная кожа возле ногтей уже высохла и стянулась.

— Нам весной воду поднимет, — сказала она. — Нижнюю выработку затопит. Там мужья работают. Паровую машину обещали с осени.

Я знал, что скажет человек, которому предложат выбирать между непроверенным способом и верной потерей заработка. В Крони я сам долго ждал, что полезная машина оправдает то, что уже сделал.

— Я не умею устроить вам водоотлив, — сказал я.

Она кивнула, будто именно это и хотела выяснить.

— Тогда напишите про второй день. Я покажу.

— Кому?

— Тем, кто собирать будет. Не вам же их останавливать.

* * *

Поправку мы написали втроём.

Ермолай хотел коротко: «Второй день убрать». Агафья сказала, что так никто не уберёт — человек в Долине всё-таки напечатал, а здесь незнакомый переписчик перечеркнул. Я предложил указать, что сведения о повторном открытии отсутствуют. Она спросила, отсутствуют у меня или вовсе.

Пришлось переписать.

Получилось семь строк: в известном мне кронском опыте повторения на следующий день не было; оснований для этой команды я не видел; прошу сообщить, где, когда и на скольких участниках её проверяли. До получения сведений нельзя выдавать её за часть испытанного порядка.

Агафья потребовала добавить про проверку памяти: чтобы люди прочли до того, как согласятся стоять.

Я добавил.

Внизу оставалось место для подписи. Перо остановилось там само, как на прошении.

— Вы кто будете? — спросила она.

— Илья Никитич.

— Фамилия?

Я назвал. Ермолай посмотрел на меня, потом на свой старый лист. Агафья имени не узнала.

— Так и писать?

— Нет. Сведения о кронском опыте. И что я видел сам.

Она провела пальцем возле последней строки, не касаясь чернил.

— А им куда ответить?

Я хотел назвать мастерскую и не назвал. В письмах, которые мне позволяли отправлять, адрес стоял. На листке, переходящем из рук в руки, это было другое дело.

Ермолай предложил передать через мужа Агафьи. Муж был здесь же, в Стыни. В Долине у него остался брат. От брата не получали ничего с лета.

Мы выяснили это только теперь, уже написав просьбу о сведениях.

Агафья спрятала листы порознь: печатный в рукав, наш за пазуху. Кружку снова положила в корзину. У двери Ермолай спросил, можно ли списать себе долинский рисунок, он чётче.

— Завтра принесу, — сказала она. — Я сперва людям покажу.

* * *

В ночь я не работал.

Масла не было; я лежал возле ящика и слышал, как Ермолай за перегородкой пересказывает наш разговор третьему жильцу. Тот долго не понимал, зачем просить ответ у людей, которые сами не знают, откуда взялась последняя строка.

Я тоже не знал, откуда она взялась. Могла быть выдумкой наборщика. Могла прийти с опытом, о котором я не слышал. Между Кронью и Стынью помещалось достаточно мест, где люди уже брались за металл без меня.

Утром я начертил на обороте старого счёта два названия. Кронь. Долин. Стынь поставил ниже.

Между Кронью и Стынью провёл линию: лист дошёл. До Долина линия не получалась. Человек, принёсший бумагу, был здесь; брат, которому можно было написать, не отвечал.

Гаврила Сидорыч застал меня над этим счётом.

— Долинские должны? — спросил он.

Я перевернул бумагу.

— Нет. Письмо надо туда послать.

Он подвинул ко мне заказ на полозья и попросил сначала закончить с теми, кто должен здесь.

На бумаге было одиннадцать фамилий. Из них девять он мог показать мне в лицо.

Глава 2. Обратный адрес

Первое письмо из Долина пришло в феврале, когда я уже перестал спрашивать о нём на каждой явке.

Оно лежало у исправника под стеклянным прессом, рядом с ножом для разрезания бумаги. Конверт вскрыли с короткого края. Исправник придержал лист, пока я расписывался в книге, потом отдал и велел напомнить Гавриле Сидорычу о ремонте саней.

— Говорит, железа ждёт.

— Пусть ждёт у себя. Казённый двор не склад.

Я сложил письмо, не читая. На улице дуло из переулка; пришлось встать за угол и натянуть варежки, прежде чем идти домой.

Брат Агафьиного мужа оказался жив. Писал, что на первое письмо не ответил из-за переезда. Наши семь строк дошли к нему через двух родных, и он отнёс их человеку, у которого брали печатный порядок.

Дальше шла приписка другой рукой.

Повторять советовали потому, что на первом открытии свет погас к вечеру. На другой день собрали тех же. Жила не открылась, трое жаловались на дурноту. Кто-то из участников не пришёл на последующую проверку. Приписавший не присутствовал; ему рассказал механик, и механику он доверял.

В конце спрашивали: «Если из Крони известно лучше, почему не присылают правильного листа?»

Я дошёл до мастерской и перечёл письмо у окна. Гаврила Сидорыч принял молчание на свой счёт и стал объяснять, что железо он оплатил, но привезти его должен другой человек.

— Я не про сани, — сказал я.

Он поглядел на разрезанный конверт.

— А они всё равно про них.

* * *

До прихода этого письма Агафья успела найти ещё один список.

Здесь повторного дня не было. Зато четверть часа превратилась в двадцать минут. Переписчик поставил над строкой маленький крестик; к чему он относился, не объяснялось.

Люди под горой пока не собирались. Один из тех, кто обещал привести десяток, ушёл на лесную работу. Другой согласился только в счёт платы за будущую откачку. Агафья приносила сведения раз в неделю, когда продавала кружки. Я хотел попросить её выяснить, сколько каждому обещали, но она сказала, что торговаться за чужих мужей не станет.

На столе у меня лежали три порядка. Ни один не совпадал с остальными во всём.

Я сличил их по строкам. Знаки рисовал на отдельной бумаге: мелкую разницу в наборе глаза уже не держали. У одной черты пропало утолщение, у другой левый конец слился с рамкой. Это могло быть следствием плохой печати. Могло менять смысл. Чтобы проверить, нужен был трактат, которого у меня не было.

Я написал в Кронь Анне. Не просил присылать книгу, не называл людей под горой. Спросил, существуют ли новые листы с поправками и можно ли законно получить сведения о результатах кронского опыта. Слово «законно» вычеркнул: кто читал письмо до Анны, от этого осторожнее не стал бы. Переписал начисто.

Матери в тот же день написал о морозах и заработке. Про бумагу не было ни слова. На два письма ушёл весь запас, который я откладывал на новые стёкла.

Вечером Ермолай дал мне три копейки.

— Это за тот. Давно должен.

Я сказал, что мы не договаривались о плате. Он положил деньги на ящик и ушёл к печи. Я купил масла, и три вечера мы читали каждый своё, не дожидаясь утра.

* * *

Женщина из Вальбурга приехала с железом.

Не на одном возу. Возы встали у постоялого двора; она пришла в мастерскую пешком, за подводчиком, который нёс накладную. У того на спине белела слипшаяся солома. Женщина отряхнула с полы снег и спросила Гаврилу Сидорыча, куда сложить полосовое, чтобы не перепутать с казённым заказом.

Говорила она без нажима, но подводчик остался у двери, пока хозяин не показал место. Потом они вдвоём вышли разгружать.

Я сидел за тетрадью. Женщина сняла перчатки, оглядела стол.

— Илья Никитич?

Я закрыл тетрадь.

— Кто спрашивает?

— Лидия Черкасова. Анна Терентьева дала мне письмо. Сказала, передать в руки.

Письмо было в наружном кармане сумки, отдельно от накладных. Лидия вынула его и отступила к печи, пока я читал.

Анна писала, что красильня работает, но печатать в ней больше не будут. Павел нашёл место не сразу. Николай ездит на пристань; платят там с задержками. О людях, у которых есть новый набор, Анна не сообщала. Мою просьбу она передала, ответа ещё не получила.

Про Лидию было две строки: «Везёт товары и письма. При мне знакома с Мятлевым. За остальное я поручиться не могу».

Ни слова, что ей можно поручить всё.

Я сложил лист.

— Вы из Крони?

— Последний месяц. Живу в Вальбурге.

— Зачем вам сюда?

Она достала накладную.

— За этим мне платят. За письма иногда тоже, но не в этот раз.

Я назвал стоимость дороги, какой её представлял. Лидия улыбнулась краем рта.

— Столько вышло бы, если везти только письмо. Железо и сукно едут всё равно. Я смотрю за грузом, рассчитываюсь, собираю долги. В дороге можно делать больше одного дела.

У неё потрескалась кожа на костяшках. Она подержала руки над печью, поморщилась, отодвинулась. На правой перчатке шов был зашит толстой зелёной ниткой.

— И у вас есть ко мне ещё дело, — сказал я.

— Есть. Но я сперва поем.

* * *

Мы встретились на другой день в задней комнате постоялого двора.

На столе стояли щи с островками застывшего жира. Лидия ела быстро, придерживая хлебом куски на ложке. Когда служанка унесла миску, она подала мне два печатных листа.

Один я узнал по тесной границе между предупреждением и командой. Такой показывал Дьяков. Другой был новым: шрифт ровнее, поля шире, внизу вместо метки стояло название «Рабочая переписка».

Во втором листе убыль назвали «временным утомлением».

— Где печатали?

— В Вальбурге. Это перевод с долинского списка. Так мне сказали.

— Здесь нечего переводить.

— Переложение. У них это так называется.

Я положил новый лист рядом с первым.

Лидия спрашивала не о знаках. Ей нужно было знать, можно ли этот текст везти к людям, которые собираются открывать. Двести экземпляров уже были оплачены. Ещё на шестьсот собирали деньги.

Я показал строку об утомлении. Рассказал, что именно мы проверяли в Крони и чего не знаем. Она вынула маленькую книжку, записала три вопроса и прочла мне обратно. Про третий пришлось объяснить ещё раз: отсутствие замеченной убыли не равнялось обещанию, что её нет.

— Я это передам. Вы можете написать?

— Могу. Кто там решает, что печатать?

— В зависимости от того, у кого деньги на следующий лист.

— А кто отвечает?

Она убрала карандаш.

— Если вы спрашиваете, кто будет слушать претензии, — я. Пока доберётесь до Вальбурга, у них уже будет следующее собрание.

Мне хотелось попросить её оставить оба листа. Она разрешила списать, а оригиналы забрала. Их ждали по дороге назад.

* * *

За три дня я написал ответ на четырёх страницах.

Первые две отдал Лидии. Она дочитала, постучала пальцем по бумаге.

— А это сколько надо везти?

— Что?

— Сколько копий ответа. Кому раздать.

Я сказал, что сперва нужно исправить вальбургский набор. Она спросила, что делать с долинским. И с тем, что уже лежит под горой. И с человеком в пересыльной, с которого списывал Ермолай.

У меня не было для неё числа.

Лидия объяснила свой счёт. Обычное письмо занимало мало места. Десять одинаковых писем уже следовало упаковать иначе. Сотня листов требовала решить, на каком участке их несут открыто и где появятся вопросы. Время в пути тоже было разным: до Крони она могла назвать срок приблизительно, до человека без адреса не могла вовсе.

— Но можно доставить сюда ответ из Долина, — сказал я.

— Вам доставили. Вы теперь знаете, кто получил?

— Мы знаем про троих.

— И я про некоторых знаю. Только это разные люди.

Она положила передо мной чистую оборотную сторону накладной. Я написал названия городов. Кронь, Долин, Ольхов. О Стыне она сказала, что пока это я и два листа; я оставил название, но рядом поставил вопрос.

Вальбург она вписала сама.

— Там есть станок?

— Есть наёмная типография. Есть люди, которые хотят своё издание. И каждый уже знает, как оно должно называться.

Я поднял глаза.

— А что в нём должно быть?

— Поэтому и приехала поговорить.

* * *

На последнюю встречу я принёс короткую поправку и две оставшиеся страницы.

Лидия прочла, попросила объяснить одно слово для человека, который не видел опыта, и ещё раз прочла. Потом спросила, разрешаю ли я печатать под ней своё имя.

— Нет.

— Они захотят. Имя из Крони стоит дороже моего объяснения.

— Пусть напечатают, что наблюдал участник.

— Тогда скажут, что участника выдумала я.

Я написал под строками, что готов отвечать на вопросы о том, при чём присутствовал. Подписался и отдал отдельный лист ей. Для читателя подпись не предназначалась. Лидия сказала, что обещать скрыть имя от всех в редакционной комнате не может.

Я оставил лист у неё.

За окном подводчик возился с ремнями. От мокрой упряжи шёл тяжёлый конский запах, в щели двери свистело. Через день Лидия должна была уехать.

— Что вам нужно от меня в Вальбурге? — спросил я.

Она застегнула сумку.

— Человек, который разберёт эти листы раньше, чем они окажутся в дороге. И договорится с теми, кто пишет из городов.

— Мне запрещён выезд.

— Я читала копию вашего постановления. Вы сами дали вчера.

— На пять лет.

— Да.

Она не стала говорить, что пять лет пройдут быстро, и не предложила вынуть меня в тюке с сукном. Я спросил, можно ли работать письмами.

Можно было. Моё письмо шло бы через тех, кому я отвечаю. Ответ возвращался бы через исправника, если получатель решится поставить Стынь на конверте. За это время выходил следующий лист.

— На дорогу деньги откуда? — спросил я.

— Пока ниоткуда. Я не обещала дорогу.

Лидия вынула мой длинный ответ, четыре страницы с мелкими вставками.

— Этот я возьму тоже. Они должны увидеть, сколько вы вычеркнули для дороги.

* * *

Дома я застал Ермолая за подклейкой старого листа.

Уже была новая копия, но он не хотел выбрасывать прежнюю. Под полозом Гаврилы Сидорыча нашлась полоска плотной обёртки; Ермолай размочил клей и накладывал её на сгиб. Я подержал бумагу, пока он прижимал края.

— Агафья приходила, — сказал он. — Про двадцать минут спрашивала.

— Скажи, пока не знают.

— Сам ей скажешь. В четверг зайдёт.

В четверг у меня была явка. Между нею и мастерской я успевал зайти к Агафье; это я уже знал. В Вальбург я не знал даже первого перехода.

Я вынул два письма, которые начал накануне. Матери оставалось дописать про заработок. Вере — ответить на вопрос, какие здесь книги можно достать для школы. Она спрашивала о старом задачнике, который когда-то печатали на востоке.

Я дописал про книги. Потом на отдельной бумаге стал считать деньги на дорогу.

Серебряные часы положил рядом с листом. Сначала не хотел включать их в сумму. Потом написал и их.

Глава 3. До заработка

Часы я продал не сразу.

Человек, который брал серебро, сперва открыл крышку, потом поднёс механизм к уху. Пришлось объяснить, что я не заводил их с дороги. Он повернул головку, подождал и положил часы на сукно.

— Ходят.

Я видел секундную стрелку, когда наклонялся совсем близко. По ней нельзя было узнать, как долго меня ещё будут здесь держать, но четверть часа я мог отмерить.

Цену с цепочкой он назвал ниже той, которую я записал. Я завернул часы в бумагу.

— Подумайте, — сказал он. — Весной всё продают.

Жестяные шли хуже, зато оставались у меня. Я достал их вечером и завёл. Ермолай проснулся от щелчков, спросил спросонья, куда собираюсь. Я сказал, что никуда.

* * *

Снег начал отходить от стены в марте.

У мастерской скапливалась чёрная вода, стружка плавала в ней длинными спиралями. Гаврила Сидорыч положил дощатый мосток, но заказчики всё равно заходили с мокрыми ногами. Я подкладывал под тетрадь обрезки сухой доски.

Из Вальбурга ответили через Лидию. Она сама была ещё в дороге; письмо переслала из Крони обычной почтой.

Редакционное товарищество благодарило за сведения. Поправку согласились рассмотреть при подготовке следующего выпуска. Следующий выпуск задерживали из-за несвоевременных взносов. Меня просили прислать краткую историю кронского открытия и, по возможности, портрет, который можно воспроизвести.

О повторном дне было полстроки: «Указанное частное разногласие будет оговорено».

Я прочёл письмо Ермолаю. Он спросил, что за разногласие.

— Повторять или нет.

— А трое?

Мы не знали даже их имён. В письме из Долина говорилось о троих, жаловавшихся на дурноту. Доказанных пострадавших от повторения из них не выходило. Но от этого вопрос о повторении не становился частным.

Я написал ответ. Портрета у меня не было. Историю обещал составить после того, как получу точный текст оговорки. Потом перечитал и убрал обещание. Снова поставил вопросы о сроке, получателях и уже разосланных экземплярах.

К этому письму я впервые приложил перечень ответов, которых не получил.

* * *

На сбор под горой меня всё-таки позвали.

У Агафьи дома было тесно от сапог. Люди оставляли их у печи, чтобы подсохли, и садились в чулках. Самовар стоял на табурете; при каждом движении за столом крышка тихо позванивала. Человек с рыжей бородой предложил мне сахар, который уже держал голыми пальцами. Я взял.

Он назвался Прохором. Отвечал за выработку, хотя не был её хозяином. Сначала хотел говорить с глазу на глаз. Агафья сказала, что печь теснить некуда и детям всё равно пора ложиться. Пришлось говорить при всех.

— Семьдесят семь соберём, — сказал Прохор. — Мы теперь не про людей. Мы про разрешение.

На открытие Жилы требовалась бумага владельца отвода. Владелец был в губернском городе. Управляющий соглашался только в том случае, если за опыт письменно поручится человек с Правом Крови. Таких среди нас не было.

— Вы же в Крони без них открыли, — сказал Прохор.

— Открыли.

— Так и здесь можно.

За столом ждали, что я объясню, как обойти управляющего. На стене возле кровати висела детская рубаха; рукава были перешиты из другой ткани. Я смотрел на неё, пока Прохор рассказывал про нижнюю воду.

Места я не видел. Сколько стоило крепление, не знал. Кто станет отводить воду, если Жила откроется, тоже ещё не решили: механика звали, но он хотел плату за осмотр, а ему предлагали долю потом.

Я попросил принести счёт на машину.

— Нам открыть нужно, — сказал Прохор. — С машиной разберёмся.

— В Крони мы так и открыли. Потом руками вернулись качать.

Он не поверил сразу. Спросил, зачем же тогда был весь риск. Я рассказал про насос, которого у нас не было. И про работу: перевести её на новый привод без пола и передачи нельзя. Рассказ вышел некрасивым. Рыжебородый поставил сахарницу дальше от меня.

Агафья спросила, сколько возьмёт механик. Выяснилось, что никто точно не спросил. На следующий день она собиралась к нему сама, заодно отнести кружки.

Перед уходом Прохор задержал меня у двери.

— А если он насчитает больше, чем у нас есть?

— Тогда столько и будет.

— Вы-то свой уже открыли.

Он подал мне шапку. Я взял её и вышел на мокрый мосток. Сзади Агафья велела кому-то не трогать горячий кран.

* * *

Лидия вернулась к ледоходу.

От дороги у неё воспалилось веко. Пока мы говорили, она прикладывала к глазу сложенную чистую тряпицу, которую смачивала из стакана. Второй стакан стоял передо мной. Чай пах железом, будто воду долго держали в котле.

Она привезла мой ответ на четырёх страницах. В Вальбурге на полях карандашом отметили, что можно использовать для статьи о преследованиях. Технические вопросы остались без помет.

— Кто читал?

— Короблёв. Он держит деньги товарищества.

— А другие?

— У других своих дел хватает. Один собирает сведения о стачках, другой доказывает, что Жилы нужно вовсе закрыть. Ваше открытие им обоим полезно. По-разному.

Я спросил о работе. Лидия достала сложенный пополам лист: частная печатня в Вальбурге искала человека читать русские корректуры сдельно. Гарантированной платы не было. Хозяин согласился посмотреть на образец моей работы.

Я поднёс лист к окну. Мелкую последнюю строку пришлось попросить прочесть её.

— Вы понимаете, что я могу не справиться?

— Поэтому написано «посмотреть». Я не выдавала вас за здорового наборщика.

До Вальбурга добирались не одной дорогой. Лидия назвала общую сумму с запасом на задержку. Мне недоставало больше половины.

— Товарищество даст взаймы, если согласитесь на их работу.

— На портрет?

— На постоянное участие. Условие можете прочесть.

Я прочёл. Обязательство представить товариществу для первоначального обнародования все материалы, относящиеся к кронскому опыту, включая дополнения, уточнения и переписку с участниками.

Лидия смотрела, как я загибаю нижний край.

— Вы знали?

— Да.

— И привезли.

— Чтобы вы ответили им сами.

Я вернул лист.

— Нет.

Она положила его отдельно от остальных бумаг. Дороже дорога от этого не стала. Оплатить её всё равно было нечем.

* * *

За серебряные часы предложили столько же, сколько в первый раз.

Я попросил оставить цепочку. Покупатель взвесил её отдельно и пересчитал деньги. Без неё выходило ещё меньше. Я подумал, что цепочку можно было бы сохранить, если отказаться от лишней ночёвки, и положил её обратно на сукно.

Вышел с жестяными в кармане. Они стучали о медные деньги, пока я не переложил деньги в кошелёк.

Недостающее предложила Лидия. Из своих расчётных, которые не принадлежали грузовладельцу. Она показала мне свободный остаток в книжке, закрыв пальцем соседние фамилии.

— Сколько я буду должен?

Она назвала сумму и записала её на двух половинках листа. Процентов не брала. Срока возвращения тоже не было, только «с первого заработка, по возможности частями».

Я вспомнил Мятлева. У него тоже было «до заработка». От одних долгов я уезжал к другим.

— Почему? — спросил я.

— Потому что, когда мне приносят пачку и говорят, что всё проверено, я не могу проверить. А спрашивать будут с меня. И потому что я могу дать эту сумму. Больше не могу.

Я подписал обе половинки. Одну взяла она.

Потом мы говорили о людях, которых нельзя было вовлекать. Гаврила Сидорыч не знал о дороге. Ермолай знал, что я ищу связь с Вальбургом, но не должен был отвечать за моё отсутствие. На явках меня записывали каждый четверг. Если я уйду, спрашивать начнут с тех, у кого ночевал.

Лидия выслушала и сказала, что объяснить хозяину придётся мне. Совета, как сделать, чтобы его не спросили, у неё не было.

* * *

Хозяину я сказал вечером, когда вынесли последние заготовки.

Он сидел на перевёрнутых санях и чинил ремень. Сначала спросил, нашёл ли я другой угол. Я ответил, что собираюсь уехать из Стыни.

Шило замерло в коже.

— Разрешили?

— Нет.

Он положил ремень. Посмотрел на тетрадь, на мой ящик, на дверь за перегородку.

— Ермолай тоже?

— Нет. Он не знает.

— Теперь узнает. Если я вас выгоню, спросят, за что. Если оставлю, спросят, отчего не донёс.

Я сказал, что могу уйти сегодня. Он выругался тихо, без злости, и потёр негнущийся палец.

— Сегодня-то куда? На воде спать?

Я не ответил.

— Когда?

Точного дня я не назвал. Сказал, что до следующей недели. Хозяин велел закончить счёт по зимним заказам и расписаться, что получил расчёт за работу. Ночлег разрешил до понедельника. После понедельника вещей моих здесь быть не должно.

Я хотел поблагодарить. Он поднял ремень.

— Умели бы вы ещё за себя сами платить.

* * *

Расчёт я закончил в воскресенье.

Гаврила Сидорыч прочёл вслух все остатки, проверил девять квитанций и взял у меня тетрадь. За работу после зачёта угла оставалось тридцать восемь копеек. Он выдал их мелочью, хотя в ящике лежала бумажная трёхрублёвка.

Ермолай помог уложить мешок. Я оставил ему запас чистой бумаги и просил отдать Агафье долинское письмо, когда зайдёт. Он перебирал листы, будто хотел убедиться, что старого списка среди них нет.

— Имена там будут? — спросил он.

— Где?

— Ну, в печатном. Кому отвечать.

— Постараюсь, чтобы было куда.

Он сел на лавку.

— Ты уж лучше адрес. Имя твоё я и теперь знаю.

Я дописал матери. Сообщил, что ухожу из места высылки и пока не могу дать нового адреса. Не просил никому не говорить: этим я сделал бы её участницей того, на что она не соглашалась. Вере оставил короткое письмо без просьб. Оба передал Лидии с условием отправить, когда мы окажемся далеко.

Копию постановления взял с собой. Она лежала рядом с письмами Анны, распиской о долге и жестяными часами.

* * *

От мастерской я ушёл в понедельник засветло.

Вода под мостком прибыла. Гаврила Сидорыч стоял снаружи и ладил жёлоб, чтобы отвести её от нижних брёвен. Я поставил мешок на сухую доску и подержал край, пока он прибивал.

Он не спросил, куда пойду. Когда закончили, выдернул из зубов последний гвоздь и сунул в карман.

— В тетради против Селиванова две строки. Обе его?

— Обе. Первая за железо, вторая за работу. Он платил только по первой.

— Ладно.

Я поднял мешок. Хозяин ещё раз нажал ногой на жёлоб, проверяя, держится ли. Вода пошла в сторону улицы.

На повороте я оглянулся. Он уже разбирал мосток, вытаскивал мокрые доски одну за другой.

Глава 4. Место для бумаги

От Стыни до границы мы ехали семь недель.

На первой пристани меня звали Андреем. Чужой паспорт был выдан на приказчичьего помощника, и возраст в нём стоял на три года больше моего. Прежде чем отдать бумагу, Лидия заставила прочесть её целиком. Я запомнил место рождения и имя человека, которого не видел, но рост проверить не мог: он был указан в незнакомой мне мере.

— Не наклоняйтесь, когда смотрят, — сказала она.

На пристани я всё равно наклонился. Служащий ткнул пальцем в строку, я хотел разобрать, куда именно. Лидия взяла у меня паспорт, подала вместе с накладной и спросила, когда будут грузить оставшиеся ящики.

Служащий ответил ей. Я стоял рядом, держа мешок обеими руками, и не знал, заметил ли он, как она исправила мою первую ошибку.

На судне мне дали место возле тюков. Спать приходилось поперёк, поджав ноги. Снизу тянуло холодной сыростью, сверху сыпалась пакля. Человек, проверявший крепления, дважды наступил мне на сапог и ни разу не извинился.

Лидия спала в помещении для пассажиров. Днём приходила с книгой грузов и заставляла сверять номера. Не для вида. На второй день я пропустил ящик. По дороге его перегрузили, а в книге он ещё числился на судне.

— Глаза? — спросила она.

— Нет. Я решил, что пропуска нет.

Она снова открыла книгу на первой странице.

Мы начали сначала.

* * *

Река вынесла нас к городу, где уже ходили по сухой земле.

Железо продали сразу; из-за подмочки сукна Лидия два дня добивалась расчёта. Я ждал в номере. Потратил лишнюю копейку на кипяток — самовар оказался уже оплачен вместе с комнатой — и попросил книгу расходов.

— Я записываю своё, — сказал я.

— Вот это ваше. Это общее. За остальное не отвечаете.

Общими были ночлег, еда, перевоз мешка. Телеграмму и извозчика до склада она оплачивала сама.

Некоторые цифры были вписаны поверх прежних. Я предложил переписать книгу. Лидия отказалась.

— Я вижу, что здесь исправила. Вы сделаете красиво, и я забуду, почему.

Свою долю я выписал отдельно.

Во дворе мужчина учил мальчика взвешивать мешки. Тот убирал руку раньше, чем успокаивалась стрелка; мужчина возвращал её на весы и начинал снова. Об их работе я уже знал больше, чем о людях, которым собирался посылать газету.

На третий день Лидия получила деньги. Мы купили места в вагоне и поехали на запад.

* * *

На железной дороге я научился не давать свой мешок Лидии.

Она могла держать сумку, книгу, две накладные и при этом говорить с носильщиком. Я мог держать мешок. На первой пересадке протянул его ей, чтобы вынуть паспорт, и она поставила свою сумку прямо в мокрую угольную пыль.

Не сказала ничего. В вагоне долго чистила дно ножом.

Я достал тряпку, намочил и подал. Потом сам убрал нож. В следующие разы паспорт лежал у меня в одном кармане, деньги — в другом. Серебряных часов там уже не было, хватало места.

Мы ехали через станции с одинаковыми лавками и разным хлебом. В одном месте продавали мягкие круглые буханки с тмином; я купил две, не спросив цены, и остаток дня ел только их. В другом кипяток пах дегтем. Лидия пила, я долго ждал, пока остынет, и в конце выпил тоже.

На большой станции проверяли бумаги у всех.

Проверяющий был молодой, с ещё красным следом под воротником, будто новая форма тёрла шею. Он взял паспорт, посмотрел на меня и спросил о родном уезде. Я ответил то, что прочёл.

— Давно оттуда?

Я назвал срок. Он уже повернулся к соседу, но потом вернулся:

— И что, мост починили?

Какой мост, я не знал.

— Я не через город ездил.

Он подержал паспорт ещё немного. За моей спиной кто-то требовал пропустить к ребёнку. Проверяющий вернул бумагу и велел не заслонять проход.

Я отошёл к стене. Лидия вышла последней, не глядя на меня. Мы встретились уже возле вагона.

— Я там никогда не была, — сказала она, когда сели. — Если бы он меня спросил, я бы не помогла.

Всю ночь я держал руку на кармане. Утром мышцы ныли от локтя до плеча.

* * *

Письмо из Долина догнало нас перед горами.

Лидия получила его вместе со счётом за прежний груз. На конверте стояло её имя, внутри лежали четыре страницы и маленький рисунок без подписи.

На этот раз писал механик. Он подтвердил, что повторный сбор был. Не четверть часа: люди простояли меньше, потому что один из первых отпустил. Про дурноту слышал от участников, сам осматривал только двоих. На рисунке показывалось, как держали руки возле металлической дуги.

В конце стоял вопрос о клапане. С открытием его связали ошибочно: механик перечислял размеры трубы и просил сказать, какой поставить. Я не умел выбирать клапаны. Но в письме были сведения об опыте, который пока никто не описал целиком.

Я хотел написать ему в тот же вечер.

Лидия разрешила взять со стола бумагу. Сама ушла разбираться с местами на следующий участок. Когда вернулась, я уже составил девять вопросов и начал перерисовывать дугу крупнее.

— Кому отдадите? — спросила она.

— Через вашу контору.

— Здесь нет моей конторы.

— Через человека, который принёс.

Она сняла плащ, вывернула мокрый край возле печи.

— Он ушёл утром.

Я отложил перо. Обычной почтой можно было отправить на долинский адрес. Но адрес относился к мастерской, где механик больше не работал. В приписке он просил отвечать через того же доставщика.

— Его можно найти?

— Можно ждать, когда приедет снова. Через три недели. Или через пять.

— Нам ведь всё равно надо получить ответ.

Лидия повесила плащ на спинку стула.

— Вам надо. Я договорилась на завтра.

Я сказал, что один день, возможно, позволит передать через знакомого. Она спросила, через какого. Такого знакомого у меня не было. Был хозяин двора, у которого можно расспросить, были лавки, была почта. В Крони я начинал примерно с того же.

— Если задержаться, что пропадёт?

Она села и перечислила: плата за ожидание, место у проводника, собственная работа на той стороне, куда её ждали со счетами. Не всё сразу и не непременно. Но я предлагал распоряжаться этим за неё.

Я зачеркнул на конверте ещё не дописанный адрес.

Письмо механика мы взяли с собой. Мой ответ остался неподписанным.

* * *

Проводник пришёл к ночи того же дня.

Я представлял человека, который знает каждую тропу. Он оказался хозяином двух вьючных лошадей и прежде всего спросил, кто понесёт мой мешок. Потом выслушал Лидию, оглядел мои сапоги и велел купить другие, если есть деньги.

Других на меня не нашлось. Сапожник вставил в эти толстые стельки, промазал швы и продал кусок кожи на заплату. Отдал сапоги тёплыми; смола прилипала к пальцам.

Наутро нас было шестеро: проводник, его помощник, Лидия, я и женщина с мальчиком, которого в счёте считали вместе с матерью. Женщина везла швейную машину. Её долго перевязывали, чтобы не била лошадь по боку. Мальчик держал отдельный узел с педалью и не позволял убрать его к остальным вещам.

Лидия не распоряжалась этой дорогой. За пределами двора она спрашивала проводника так же, как я спрашивал её.

К полудню сапог натёр пятку. Я сказал об этом, когда кровь уже промочила чулок. Проводник выругался, остановил всех и потребовал снять обувь. Мальчик смотрел, как я разматываю красную ткань.

Женщина дала чистый лоскут. Я сказал, что верну.

— Этот? — спросила она.

Я посмотрел на лоскут у себя в руке и замолчал.

* * *

Первую ночь мы провели под низкой крышей, где хранили сухое сено.

Я не мог распрямить ногу. Лидия села рядом, подала воды, потом попросила освободить место: на сухом полу должны были уместиться все. Пятку перевязал помощник проводника. Делал больно, но быстро; дольше ругался, что я пытался идти, наступая на край подошвы.

Утром мой мешок взяли на лошадь. Нужно было уменьшить вес остальных вещей. Проводник предложил оставить лишнюю одежду. Женщина прижала к груди узел с машинными принадлежностями. Мальчик сразу отвернулся к стене.

Я достал бумаги.

Три списка, письмо механика, мои вопросы, черновики ответов, письма из дома. По отдельности они казались почти невесомыми. Вместе набиралась плотная пачка, которую я носил через всю страну, стараясь не намочить.

Я отделил чистые обороты и черновики, которые уже переписал. Вынул из старой книги заказов пустые страницы: Гаврила Сидорыч разрешил забрать негодную тетрадь, но я нёс и её тяжёлую крышку. Крышку снял. Верёвку с узла пустил под бумаги.

Этого было мало. Проводник взвесил мешок рукой и посмотрел на меня.

Я оставил вторую рубаху, запасные обмотки и железную кружку. Обмотки тут же взяла женщина — ими можно было укрыть угол машины. Кружку оставили хозяину сарая. Рубаху помощник сложил на полку.

Лидия положила свою книгу счетов к моим бумагам.

— Вместе будет суше.

Я хотел взять пачку обратно, к себе под армяк. Она уже обернула её клеёнкой и перевязала. До вечера наши бумаги были в одном мешке.

* * *

На второй день пошёл дождь.

Мы стояли под выступом, где вода всё равно стекала на плечи. Проводник ушёл вперёд, помощник держал лошадей. Мальчик присел у швейной машины и уснул, положив голову на колено матери.

Лидия смотрела на дальний склон. Я спросил, пересекли ли мы уже границу. Она покачала головой: не знала.

Я мог бы ждать здесь так же, как ждал освобождения пути в пересыльной. Только теперь не было человека, обязанного привести нас к месту и сдать по списку. У проводника была плата; нас он мог оставить в сарае, если бы дорога стала непроходимой.

Он вернулся затемно. Велел есть, пока стоим, и не зажигать огня. Я достал хлеб. Корка размокла, мякиш спрессовался под книгами. Лидия отломила половину, даже не спросив, сколько у меня осталось. Я взял у неё кусок сыра.

После этого шли медленно. Помощник вёл мою лошадь, я держался за ремень на вьюке. Несколько раз казалось, что впереди свет, но это была мокрая светлая порода.

Женщина обогнала меня и больше не оглядывалась. Под конец я различал только её тёмную спину.

* * *

Счёт за ночлег на той стороне я не смог прочесть.

Буквы были знакомые, но слова почти все чужие. Лидия спорила с хозяином, показывала на цифру, потом вывела рядом свою. Хозяин перечеркнул обе и написал третью.

Я сидел на кровати, босой, с ногами в тазу. Вода быстро стала розовой, потом холодной. Мальчик на соседней кровати двигал во сне рукой, как будто всё ещё удерживал узел с педалью.

— Теперь можно отправлять письма? — спросил я.

Лидия повернулась.

— Отсюда можно. Адреса возьму утром.

Она сказала это и снова принялась за счёт. Я смотрел на её затылок, на зелёную нитку возле снятой перчатки. Из Стыни я ушёл со всеми бумагами. Прежний адрес с этого дня никуда не вёл. Если бы кто-то и написал, письмо бы до меня не дошло.

Утром Лидия нашла почту и отправила письма матери и Вере, которые берегла до перехода. Я достал долговую расписку, чтобы прибавить свою долю ночлега.

Она посмотрела на лист.

— Здесь не прибавляйте. Это другие деньги. Счёт у нас есть.

Я убрал расписку. Умылся холодной водой, натянул чулок поверх повязки и пошёл вслед за ней. Вальбург был ещё в двух днях дороги.

Глава 5. Литера

В Вальбурге дождь шёл прямо на набор.

Окно печатни было распахнуто, у подоконника стояла касса. Хозяин что-то кричал во двор, не замечая косых брызг. Я шагнул к окну и отодвинул кассу прежде, чем успел поздороваться.

Хозяин обернулся. Лидия сказала ему несколько слов. Он посмотрел на меня, на кассу и закрыл окно.

— Русский читаете? — спросил он по-нашему, с тяжёлым ударением на первом слоге.

— Читаю.

Он дал мне оттиск.

Буквы были крупнее тех, которые я разбирал в Крони. Я всё равно подошёл к свету, стараясь не загораживать проход. В тексте продавали земледельческие машины; возле цены одной пропустили ноль. Я отметил место, потом нашёл перевёрнутую букву и строку, в которой два раза стояло «для».

Хозяин ткнул в цену.

— Откуда знаете?

Я показал ту же машину на другой странице каталога. Он сравнил, кивнул и дал ещё две полосы.

Лидия ушла, оставив адрес комнаты. Хозяина звали Бреннер. За первый просмотр он не платил. Цену за дальнейшую работу обещал назвать, когда мои отметки сойдутся с авторскими.

Я сел на высокий табурет. Пятка в сапоге ещё болела. На столе пахло свежей краской, и я долго держал ладонь возле оттиска, прежде чем взял карандаш.

* * *

Комната находилась над прачечной.

Внизу кипятили бельё. Пар поднимался сквозь щели, от него обои возле пола отходили полосами. Хозяйка показала на верёвку: своё можно было вешать там, но не над печью. Кипяток полагался вечером; уголь оплачивался отдельно.

Я понял только то, что она показывала руками. Лидия переводила, пока хозяйка не стала говорить медленнее и громче. Тогда я попросил написать цену цифрами.

За три дня вперёд заплатил из дорожного остатка. Хозяйка пересчитала местные монеты, одну вернула: я перепутал достоинство. Я убрал её в другой карман.

На кровати лежало клетчатое одеяло с зашитой дырой. Из окна виднелась задняя стена другого дома и кусок водосточной трубы. Я снял сапог, посмотрел на повязку и сел так, чтобы пятка не касалась пола.

Лидия поставила сумку на стул.

— Короблёв ждёт завтра. В одиннадцать.

— Здесь тоже одиннадцать?

Она посмотрела на мои часы.

— По городским. На площади сверите.

Я завёл жестяные. В Стыни знал время по хозяйской работе; в дороге — по отправлению. Теперь мне снова предстояло опаздывать или приходить вовремя к людям, которые будут решать, нужен ли я им.

— Вы будете? — спросил я.

— Сначала. Потом у меня склад.

Она выложила на стол мою пачку. Все письма были сухие. На обёртке отпечатался угол её книги счетов.

* * *

У Короблёва было тепло.

Он занимал две комнаты над кофейней; в передней сидел молодой человек в жилете и вписывал адреса в большую книгу. Когда мы вошли, молодой человек закрыл её, оставив палец между страницами.

Короблёв встретил нас стоя. Волосы у него были седые возле ушей, борода тёмная и коротко подстриженная. Он пожал мою руку обеими руками. Назвал по имени и отчеству. Спросил о здоровье — так спрашивают человека, с которым давно переписываются лично.

В комнате висел мой портрет.

Не мой. Молодой человек в чёрном сюртуке, с прямым взглядом и гладким лицом. Под рамкой на столе лежал пробный лист с подписью о кронском печатнике. Я наклонился: в подписи не было фамилии, но статья начиналась с истории открытия.

— Откуда рисунок?

Короблёв посмотрел на стену.

— Это покойный Ланцов. Наш основатель. Вас ещё не успели нарисовать.

Молодой человек в передней усмехнулся. Я сел. Лидия осталась у двери, снимая перчатки.

Короблёв подвинул чашку и стал рассказывать о товариществе. Полтора года они оплачивали печать, помощь семьям, защиту арестованных. Из Крони деньги шли нерегулярно, из других городов ещё хуже. Здесь же каждый считал, что остаток кассы следует отдать его работе.

Он говорил без жалобы. Достал книгу, показал суммы; возле некоторых стояли маленькие кресты, означавшие, что взноса больше не будет.

— Поэтому у меня дурная слава человека, который не даёт печатать, — сказал он. — Хотя плачу за печать я.

Я попросил показать «Рабочую переписку».

Он вынул стопку из шкафа. Перевязь затянули слишком туго, верхние листы врезались в бечёвку. Между предупреждением и командами всё ещё стояло «временное утомление».

— Поправку получили? — спросил я.

— Получили. Следующий лист готовится.

— Этот пока раздаёте?

— Мы не торгуем им. Передаём бесплатно.

— Но передаёте.

Короблёв положил ладонь на стопку.

— Илья Никитич, вы приехали вчера. Не начнём же с того, что единственное русское издание, которое здесь удаётся поддерживать, следует уничтожить.

* * *

К полудню пришли ещё трое.

Одного звали Сергеем Осиповичем, он носил в портфеле вырезки о рабочих собраниях. Женщина в тёмном платье представилась Ольгой Берг и сказала, что уже читала мой ответ. Третий, Громов, сразу спросил, сколько людей потребуется для открытия во всей империи.

Я ответил, что не знаю.

— По вашей же пропорции.

— Я не знаю, где мы можем её применять.

Он нахмурился, будто я придерживал известное число.

Короблёв предложил начать с дела. Для статьи о Крони оставили две полосы. Нужен был рассказ от первого лица и короткое обращение к читателям. Техническое примечание можно было поставить внизу.

Я разложил перед ними долинское письмо, списки и копию своего ответа.

Берг взяла письмо. Остальные смотрели на меня.

— Я могу написать, что видел. До этого надо поправить то, что уже посылают.

— Вы уже написали, — сказал Короблёв. — Мы включим.

— Отдельным листом. Тем, кто получил старый. Без ожидания статьи.

Он спросил, кто заплатит за отдельный набор. Я назвал товарищество. Короблёв открыл книгу расходов и развернул ко мне. Для двух полос деньги были. Для дополнительного листа требовалось отнять их у другого дела.

Сергей Осипович сказал, что сведения о стачке нельзя снова откладывать. Громов хотел поставить вместо технического порядка общий призыв: человек должен знать не только как действовать, но и ради чего. Берг всё ещё читала письмо.

Лидия поднялась.

— Мне на склад. Старые пачки до вечера не берите в дорогу, я приду.

Короблёв спросил, кто уже назначил ей следующую отправку. Она ответила, что срок согласовывала до моего приезда. Он кивнул, и она вышла.

Без неё я не знал, кому из сидящих можно назвать Агафью, а кому — только город. Поэтому положил поверх письма чистую бумагу, закрыв конец с обратными сведениями.

* * *

Берг дочитала и спросила:

— Почему вы не утверждаете прямо, что повторение опасно?

— Потому что у меня нет осмотра до и после. Есть рассказ механика о двух людях и сведения ещё об одном.

— Тогда что печатать?

Я придвинул ей короткую поправку. Она прочла вслух. Громов перебил на словах «оснований я не видел».

— Так нельзя обращаться к людям. Вы сами-то верите, что дело возможно?

В его голосе не было злости. Он действительно хотел услышать уверенность, ради которой, вероятно, столько времени сидел здесь с чужими газетами.

— Видел, что возможно один раз в известном месте, — сказал я. — Печатать больше я пока не могу.

Короблёв предложил разойтись до вечера. Я попросил дать мне прежние адреса рассылки.

В комнате стало тихо. Даже молодой человек в передней перестал перелистывать книгу.

— Адреса вам никто сразу не даст, — сказал Короблёв.

— Мне нужно знать, куда посылать поправку.

— Скажите, сколько. Мы передадим.

Только тогда я понял, чего попросил у человека, впервые увидевшего меня час назад. Я приехал с чужой бумагой и хотел получить целую книгу людей.

Я убрал долинское письмо.

— Хорошо. Тогда назовите не адреса. Сколько мест и когда туда ушёл этот лист.

Короблёв подумал.

— Так можно.

Молодой человек в передней открыл книгу. Оказалось, что рассылку записывали по фамилиям передатчиков. Не по городам получения. Часть пачек забрали без расписки, часть ещё лежала у знакомых.

До вечера мы смогли уверенно отделить только два отправления.

* * *

У Бреннера совпали не все мои отметки.

Перевёрнутую букву он принял. Повтор «для» оказался в исходнике; заказчик хотел оставить, и мне показали его помету. Ноль в цене действительно пропустили.

За следующие полосы хозяин предложил плату. Я попросил настольное стекло, чтобы не подносить каждый лист к лицу. Стекло нашлось с трещиной у края; через середину было видно достаточно ясно.

До закрытия я прочёл шесть полос каталога и две страницы объявления. В объявлении говорилось о торжественном собрании, на котором требовалось быть всем желающим, но места продавали заранее. Я спросил, не ошибка ли. Бреннер пожал плечами.

— Желающих больше, чем стульев.

Уже у двери я увидел на полу литеру.

Она лежала возле ножки кассы, буквой кверху. Я поднял её, машинально развернул и нашёл ячейку. Палец остановился над соседней.

Касса была устроена иначе.

Хозяин протянул руку. Я отдал литеру. Он положил её куда следует и сказал, что завтра можно прийти к восьми.

Я вышел, потирая большим пальцем указательный. На подушечке осталась маленькая серая полоса.

* * *

Вечером у Короблёва считали заново.

Лидия принесла свои записи. Из них выяснилось, что одно из двух уверенных отправлений до города ещё не дошло: пачку держали на промежуточной явке. Второе ушло дальше, но не целиком. Остаток можно было снабдить вложением.

Я предложил набирать поправку утром.

Сергей Осипович спросил, согласен ли я отдать под неё одну из своих полос. Я сказал, что обе. Короблёв напомнил, что деньги дали именно на кронский рассказ, а не на любое сочинение от меня.

— Тогда спросите тех, кто дал.

— Это неделя, — ответил он. — Или две. Вы сами требуете завтра.

Он не повышал голоса. На столе перед ним лежали счета, и я уже видел, что некоторые оплачены из его личных средств. Нельзя было вычеркнуть их вместе с испорченной строкой.

Берг предложила короткую вставку в остаток пачки. Один набор, без заголовочной заставки, только номер прежнего листа и точное место поправки. Для дальнейших получателей — тот же текст в следующем выпуске. Короблёв согласился оплатить небольшой тираж из текущего остатка, если мы не задержим набор уже готового материала о стачке.

Я сказал, что подготовлю к утру.

Лидия спросила:

— К какому утру?

Я посмотрел на часы. Восемь у Бреннера. Здесь мы просидели почти до десяти вечера.

— К завтрашнему. До работы.

Она кивнула и подвинула мне чернильницу.

* * *

Мы остались вдвоём с Берг.

Короблёв ушёл вниз расплачиваться за комнату, Лидия — искать человека, у которого лежал остаток пачки. Сергей Осипович оставил текст о стачке: если в типографии возникнут вопросы, просил передать ему, а не исправлять самостоятельно.

Я написал первую строку: «В листе „Рабочая переписка“ слова…»

Берг остановила.

— Если у человека другой лист, он решит, что к нему не относится.

Мы добавили саму спорную фразу и описание рисунка. Потом я написал, что команда о повторении не подтверждена доступными мне сведениями. Берг попросила объяснить, о каком повторении речь: в вальбургском наборе этого не было.

Пришлось разделить две поправки. Одну — к обещанию временного утомления. Другую — к долинской строке о втором дне.

Она не давала мне объединить их ради краткости. Получатель мог знать только одну. Ему не следовало разбирать чужую переписку, чтобы понять свою бумагу.

На третьем листе мы написали, каких сведений не хватает: место, дата, число участвовавших, порядок касания, проверки до и после. И куда присылать ответ.

На этом месте перо снова остановилось.

— Сюда? — спросил я.

— Здесь кофейня. Письма получает товарищество на другом адресе.

Берг написала его на клочке. Я спросил, кто открывает корреспонденцию. Она назвала Короблёва и себя. В дороге письмо могло быть прочитано и другими. Мы вычеркнули просьбу об именах участников, оставив возможность описывать людей условными обозначениями. Оригиналы записей просили сохранять у себя.

Я положил рядом три чистых листа и впервые увидел, что им нужен общий порядок: где действие, где вопрос, где ответ, который пока не получен.

— Вы газету хотите? — спросила Берг.

— Пока я хочу, чтобы они получили вот это.

Она взяла первый лист.

— На этот раз получат. А следующую поправку?

* * *

Утром начали печатать вложения.

Печатал тот же Бреннер, в свободный промежуток до большого заказа. Короблёв пришёл сам с деньгами. Проверять первый оттиск он дал мне; Берг читала вслух, я следил по рукописи. В строке об убыли не хватало «не». Наборщик исправил. Мы проверили снова.

Я потянулся к форме, чтобы помочь вынуть литеру, но Бреннер уже подозвал своего человека. Пришлось отступить и держать чистый оттиск.

Из тридцати двух годных вложений Лидия забрала пачку. Не мне в руки — себе в сумку, к записям о получателях. Два экземпляра она оставила: один Короблёву, один для следующих ответов.

— Когда узнаем, что дошло? — спросил я.

— Когда мне вернут известие, — сказала она. — Я запишу дату. Раньше не обещаю.

В книге рядом с числом вложений поставили назначение. Два получателя старой пачки, один промежуточный. Три места, до которых можно было попытаться дотянуться. Остальные оставались неизвестными.

Короблёв предложил теперь сесть за рассказ. Я ответил, что после работы приду. Он посмотрел на часы и пошёл вниз, не попрощавшись с наборщиками.

* * *

На обратной стороне пробного оттиска я стал размечать следующий лист.

Не рассказ о себе. Известные опыты, отдельно от пересказов. Поправки с указанием, к какому тексту относятся. Вопросы, на которые ещё нет ответа. Внизу — место для известий о доставке, чтобы не считать напечатанное полученным.

Под заголовок оставил пустую строку.

Берг увидела разметку вечером. Достала перечень названий, которые предлагали в товариществе. Некоторые я слышал ещё в прежней жизни, и от этого только труднее было выбрать. В одном обещали скорый конец старого порядка. В другом уже говорили от имени всех работников империи.

Я написал на полях: «Литера».

— У Бреннера тоже есть литера, — сказала Берг. — А читателей наших он не знает.

— Название можно другое.

Она не вычеркнула.

Мы условились пока показывать разметку под этим именем. Короблёв должен был ещё согласиться на расходы. Люди в городах — захотеть отвечать. Ни одного из них я не видел, кроме тех, кто остался в Крони и Стыни.

Берг спросила, до какого числа принимать сведения в первый лист.

Я назначил срок. Она обвела его карандашом и сказала, что напишет долинскому механику сама, если я прочту перед отправкой.

Я согласился. Потом вернулся к разметке и передвинул нижнюю черту: для его ответа могло понадобиться больше места.

Глава 6. Получено

В первый день после срока у нас было два ответа, и оба оказались от одного человека.

В одном он подтверждал, что получил три вложения. В другом писал, что получил два. Подпись была та же; даты различались на четыре дня.

Берг разложила письма у меня на столе.

— Которое позже?

Я показал.

— Тогда два, — сказала она.

Она подвинула к себе книгу, но я придержал угол. Первое письмо шло из Долина, второе — со станции, названия которой я не знал. И в тот, и в другой раз человек писал «получено»; нигде не было сказано, кто именно получил.

Мы перечли письма от начала. Бумага второго была вырвана из конторской книги и на обороте сохранила часть столбца. Между цифрами проступали чернила. Я подложил чистый лист, всё равно приходилось подносить к глазам.

— Это он расписывается за двоих, — сказала Берг. — Вот, про брата.

Про брата говорилось, что тот был на станции. Я не видел, почему из этого следовало получение двух вложений. Берг сунула обе бумаги под пресс и пошла за Лидией.

Я успел вписать в книгу дату и город. В графе против числа поставил карандашом два. Чернила оставил открытыми.

* * *

Лидия пришла после полудня с девочкой лет четырнадцати. Та несла корзину и поставила её у двери так осторожно, что я ожидал увидеть стекло. Внутри были катушки. Лидия дала девочке расписку за них, велела ждать внизу, если хочет получить деньги сегодня.

Потом взяла письма.

— Три он принял на станции. Два довёз. Третье пришлось оставить тому, кто принял пачку от него.

— Где это сказано?

— Нигде. Я спросила, когда получала второе. Он ехал со мной полдороги.

Она назвала человека, которому досталось третье вложение, по ремеслу: кровельщик. Фамилии не знала. Первый из двоих в Долине, сказал ей передатчик, вложил поправку в свой экземпляр. Второй видел её, но старый лист давно отдал.

— Значит, одна поправка встретилась со старым листом, — сказал я.

Лидия посмотрела на карандашное число.

— Одна, о которой вам сообщили.

Она ушла за деньгами для девочки. Мы с Берг остались у книги. Берг предложила отвести по столбцу на получение и передачу. Я спросил, что делать с человеком, у которого старый лист уже ушёл дальше.

Она подумала и подвинула линейку.

— Для него столбца пока нет.

Вместо двух я записал: один вложил, второй прочёл. Про кровельщика написал ниже, потому что нельзя было с уверенностью отнести его ни к одному городу.

Когда Лидия вернулась, я попросил её расспросить о третьем.

— У кого?

Я назвал передатчика.

— Он уже ответил на то, что знает. Я еду туда за тканью. Если встречу кровельщика, спрошу.

Она взяла корзину. Девочка оказалась всё ещё внизу, деньги ей так и не выдали: кассир ушёл, не дождавшись Лидии. Та вернулась за сумкой, отсчитала из своих, снова спустилась. Когда я тоже вышел, они стояли у крыльца и считали вдвоём. Девочка разжимала пальцы по одному.

* * *

Вечером Берг попросила отнести книгу переплётчику. Не для переплёта: у неё расшатался шов, страницы с письмами начали вываливаться из середины. Я предложил пока вложить их обратно. Она показала две одинаковые по виду записки без дат. Если выпадут ещё раз, мы не узнаем, к какому ответу относилась каждая.

Переплётчик жил за рынком. До закрытия оставалось мало времени, и я пошёл короткой дорогой между лавками. У мясного ряда проход залили водой; я поскользнулся, ударился плечом о стену и прижал книгу к груди. Переплёт намок по краю. Внутри бумага осталась сухой.

Мастер выслушал просьбу, пролистал и спросил, почему письма пришиты вплотную к корешку. Я объяснил, что так они не выпадут. Он раскрыл книгу на середине: у одного конверта уже рвалась бумага вокруг нити. Если часто открывать, останется нитка с клочком, а письмо уйдёт отдельно.

Он предложил сделать карманы из плотной бумаги. В них можно держать оригиналы, а в книге отмечать, что лежит внутри. Мне показалось, что работа только удвоится. Он вынул из стопки заказную книгу и показал, как держит чужие образцы.

— Если заказчик передумает, я не вырываю страницу. Вынимаю образец, кладу другой. А запись остаётся.

Он не говорил о нашей газете. Для него это были разные куски бумаги, которые нельзя скреплять так, будто им больше никогда не придётся двигаться.

На работу мы пока не могли потратить требуемую сумму. Мастер дал мне два обрезка плотной бумаги и показал, как сложить пробный карман. Остальные предложил заказать, когда поймём, удобно ли. Я заплатил за обрезки и урок, принёс книгу Берг.

Она попробовала вынуть письмо, вернуть на место, перевернуть страницу. Сказала, что так лучше. Мы сделали первые четыре кармана сами. На пятом я перепутал сгиб и испортил полосу. Берг молча подала другую.

Утром книга не стала надёжной системой. В ней по-прежнему не хватало дат и объяснений. Зато теперь можно было вынуть одно письмо, не разрушая соседнее. Я записал переплётчику расход и вернулся к тому, что письма означали.

* * *

На следующий день принесли письмо без ответа.

То есть оно было ответом на наше, но о долинском механике в нём не говорилось. Писала женщина, получившая вложение. Спрашивала, не можем ли мы выслать первые команды: у неё сохранилось только продолжение, да и его она видела у другого человека.

Адрес был на обычном конверте. Берг поднесла его к лампе: штемпель читался лучше подписи. Женщина называла себя Марией и писала, что у неё лавка швейных принадлежностей. Никакого отношения к механикам или товариществу она не упоминала.

Я вынул из пачки кронский порядок.

У меня сохранился список, который я сделал в Стыни с листа, показанного Лидией. Он был точен в тех местах, которые я мог сверить. Две черты я перерисовал рядом, потому что на оттиске одна сливалась с рамкой. Человек, которому я дал бы этот лист, не знал бы, какую из двух брать.

— Можно переписать без рисунка, — сказала Берг.

— Ей нужен именно порядок.

— Она просит команды. Не говорит, что собирается открывать.

Я положил список между нами. Можно было ничего не послать. Можно было послать всё и написать сверху, что пользоваться пока нельзя. Я знал, как обращаются с верхней строкой, когда лист переписывают для экономии бумаги.

Берг спросила, сохранилась ли у Марии спорная фраза об утомлении. Я снова прочёл письмо. Этого там не было.

Мы ответили, что хотим прежде увидеть её продолжение. Я вписал две первые строки, по которым можно отличить один набор от другого, и приложил краткую поправку без рисунка. Берг надписала конверт. На почте пришлось доплатить: вложение сделало письмо тяжелее положенного. Я достал мелочь, оставленную на обед, и досчитал на прилавке.

На обратной дороге взял хлеб без горячего. В комнате над прачечной уже вынули котёл, и стены остывали. Я ел, не снимая пальто, и перечитывал копию. Наше письмо могло дойти. Могло и напугать женщину, которая всего лишь спросила, чего ей не хватает.

* * *

Короблёв принёс газетную полосу с моим рассказом.

Я написал его в обещанный вечер: сколько было участников, когда всё произошло, как проверяли память. И что машина после открытия так и не пошла. Он разбил рассказ на две части. Первую предложил печатать теперь, вторую — в следующем выпуске, вместе с письмами из городов.

Первая полоса кончалась открытием.

— Дочитают до конца и будут ждать, — сказал он.

Я показал место, где начиналась проверка.

— А если не дождутся?

Он не отмахнулся. Посчитал строки. Спросил, можно ли снять вступление, где я объяснял, как оказался в красильне. Я согласился. Вместе убрали ещё описание двора и разговор до начала сбора. Тогда проверка поместилась, но история с машиной оставалась на следующую полосу.

— Если взять ещё пять строк, — сказал я, — можно дать хоть итог.

Короблёв вынул из кармана очки и впервые за вечер надел. Внизу стояло сообщение о семье арестованного. Вместе с адресом для сбора оно занимало семь строк.

Мы помолчали.

— Не оттуда, — сказал я.

— Я и не предложил.

Он сложил полосу по длинной стороне и показал мне, какой ширины получался наш текст. Можно было дать рассказ мельче. Сходу я не прочёл бы такого в своей комнате даже при лампе. Короблёв подождал, пока я скажу это сам, и убрал очки.

В конце осталось две строки. Я написал, что после открытия к работе на новом приводе не приступили. Короблёв прочёл и спросил, не прозвучит ли это как поражение.

— Мы как раз не знаем, как заставить её работать, — ответил я.

Он вернул полосу.

— Тогда оставляйте.

Я ставил отметку, когда он спросил про наш лист. Денег под него никто не внёс. Книгу расходов можно было посмотреть в любой день. Сначала я подумал, что он предлагает занять. Оказалось, Короблёв хотел знать, рассчитываю ли я печатать «Литеру» за счёт следующего сбора.

— Хочу узнать, сколько будет стоить один лист, — сказал я.

— Узнайте. Только не говорите пока, что товарищество его выпускает.

Он взял свою полосу и ушёл. На столе остался обрезок с началом моего рассказа. Я перевернул его и записал: бумага, набор, пересылка. Рядом с последним словом места не хватило.

* * *

Под вечер к Берг пришёл человек с одним из наших вложений.

Я узнал бумагу по косо срезанному нижнему краю. Бреннер резал остатки вручную, и на нескольких листках край ушёл в сторону. Этот кто-то проколол в двух местах и пришил ниткой к старой «Рабочей переписке».

Человек положил обе бумаги на стол.

— Вот так можно?

Я спросил, где он их взял.

— У человека, который возвращался из Долина.

Я достал книгу. Мы послали лист за границу. Получили оттуда два письма. Теперь его принесли обратно в Вальбург, и мы не знаем, тот ли это самый. По нижнему краю отличить его от остальных было невозможно.

— А вы куда едете? — спросила Берг.

— Никуда. Работаю здесь.

Он хотел оставить лист в читальне. Попросил лишь сказать, следует ли вымарывать старую фразу. Я сказал, что пусть лучше будет видно, что именно мы поправили. Он кивнул, забрал сшитые листы и спросил, ждать ли следующего.

Я не успел ответить. Берг сказала:

— Дайте нам знать, если кто-нибудь по нему напишет.

Дома я открыл книгу на первой странице. Поначалу там стояла графа «Получено», и в неё должно было войти число. Теперь передо мной лежало подтверждение: кто-то взял иглу, сшил два листа и передал их человеку, которого мы не знали.

Я записал и это. Потом поискал в карманах, осталось ли на завтрашний обед. Нашёл одну монету и сухую крошку, застрявшую в шве.

Глава 7. Чужая касса

Бреннер посчитал лист дважды.

Сначала так, как я принёс: четыре страницы, мелкие знаки, два рисунка. Потом так, как мог сделать в своей печатне: без знаков, один рисунок отдельно, место под второй оставлено пустым.

Разница была почти в треть всей суммы.

— Этих нет, — сказал он и положил карандаш на рисунок.

Я знал, каких. В Крони на них ушли месяцы. Здесь я уже успел забыть об этом, потому что увидел русскую кассу и исправил в каталоге ноль.

— Можно заказать?

— Можно всё.

Он написал ещё одно число. Потом вычеркнул: требовалось спросить у литейщика, не обещая за него.

В нижней строке стояла плата за хранение набора. После тиража литеры должны были вернуться в кассы. Хотел допечатать через неделю — плати за простой. Неделю этими литерами не наберут чужие заказы.

Я попросил оставить оба расчёта.

Бреннер оторвал листок, а я спросил, сколько сэкономлю, если сам наберу часть.

Он посмотрел на настольное стекло. Вчера под ним я пропустил дефект маленькой буквы: краска забила просвет. Исправил другой читчик.

— На моём заказе попробуете. Потом скажу.

В обед он дал мне короткое объявление. Я нашёл нужные ячейки, поставил первые строки, выровнял пробелы. На четвёртой пришлось вынуть слово: перепутал две похожие литеры. В пятой не хватало места. К вечеру объявление было готово.

Бреннер принял его без замечаний. За это время соседний наборщик закончил несколько таких же.

Когда хозяин спросил, включать ли мой труд в расчёт «Литеры», я сказал, что пока не надо.

* * *

Перед сбором я зашёл к продавцу бумаги. Хотел принести людям не только расчёт Бреннера, но и сам лист, за который предстояло платить.

Продавец вынул три образца. Первый был плотный, белый, приятно шуршал под пальцами. Второй сероватый, с неровным краем. Третий тонкий: на просвет в нём виднелись тёмные соринки. Я спросил, какая бумага выдержит дорогу лучше. Он ответил, что смотря как везти, и предложил дорогую.

Я сложил дешёвый образец пополам, потом ещё раз. На сгибе появилась светлая линия, но лист не порвался. Продавец посмотрел неодобрительно: образцы тоже стоили денег. Я купил три листа, по одному каждого сорта.

Дома попытался написать на них одинаковую строку. На тонкой бумаге чернила расплылись. Для письма она была плоха, но Бреннер объяснил утром, что печатная краска поведёт себя иначе. Мне пришлось признать, что я проверял не ту работу, ради которой покупал.

Он дал оттиск на обрезке похожего сорта. Буквы читались ясно. Если печатать с двух сторон густо, появится просвет, но для нашего небольшого листа это можно учесть. Зато соринки иногда приходились на тонкий штрих. Один знак в пробе выглядел повреждённым, хотя литера была цела.

Я принёс образцы Берг. Она выбрала средний и спросила, насколько он дороже. Я назвал разницу. На столе лежала цена нескольких обедов. Она положила лист обратно и взяла тонкий.

— Тогда показывай и этот. Пусть люди решают, за что дают.

На сбор я понёс все три. По дороге дорогой лист помялся сильнее остальных: я берег его отдельно, а в карман он не помещался. Тонкий лежал между двумя письмами и дошёл ровным. Это ничего не доказывало о качестве бумаги, но остудило желание объявить лучший сорт единственно разумным.

* * *

Первый сбор состоялся у Берг.

Её комната была меньше моей, но сухая. Под окном стояли три ящика с книгами; два мы поставили друг на друга и накрыли доской. Получился стол, у которого нельзя было опереться на край.

Пришли семеро. Я знал Короблёва, Лидию и Сергея Осиповича. Остальные прочли мой рассказ и хотели выяснить, что будет дальше. Один принёс печенье в бумажном пакете. Пока говорил, ломал его пальцами и ел крошки. Другой, Левшин, владел мастерской, где чинили швейные машины.

Я разложил макет.

Левшин спросил, зачем в газете оставлено пустое место. Я объяснил, что жду ответ механика.

— Так поставьте что-нибудь пока. Человек платит за лист.

— Он ещё не платит, — сказала Берг.

Левшин вынул деньги.

Суммы хватало на бумагу и печать, если набор оплатить отдельно. Он положил её рядом с расчётом Бреннера. Я видел, как быстро исчезает пустое место на столе, когда на нём оказываются деньги.

Взамен Левшин хотел напечатать обращение. У него было полторы страницы, и он принёс их с собой, уже переписанными начисто.

Я прочёл начало. Там говорилось, что трудящиеся городов окончательно поняли бесполезность одиночных опытов и требуют общего руководства. Ни одного города он не называл.

— Кто требует?

— Люди. Мы с ними говорим.

— Можно их письма?

Он повернулся к Короблёву:

— Мы будем каждое слово удостоверять?

Короблёв попросил показать обращение. Прочёл до конца, вернул мне.

— Это его мнение. Можно напечатать как мнение.

Левшин возразил, что тогда всё потеряет вес. Его деньги оставались между нами. Никто не собирался их забирать силой; достаточно было согласиться с формулировкой.

Я представил письмо Марии. В нём не было общего руководства. Женщине не хватало начала листка, и она хотела его получить. Если назвать её требующей центра, никто в Вальбурге этого не опровергнет.

— С вашей подписью, — сказал я. — И без слов о том, что это решение городов.

Левшин собрал страницы. Деньги тоже убрал. Печенье доедали молча.

* * *

Сергей Осипович предложил выпускать «Литеру» приложением.

У товарищества уже были адрес для писем, договор с печатней и люди, которые принимали пачки. Мне не пришлось бы платить заново за каждое из этих удобств. Техническую часть оставили бы мне; остальное определяло собрание.

Я спросил, что считается технической частью.

— Знаки, порядок, ваши проверки.

— А сообщение, что управляющий не пустил к Жиле?

— Это общественный вопрос.

— А что у людей нет денег на насос?

Сергей Осипович откинулся на стуле. Мы оба понимали, что я могу продолжать так весь вечер.

Короблёв забрал со стола один из расчётов.

— Не хотите приложения — не надо. Но отдельно вам всё равно придётся решать, чьё письмо помещать первым.

Я сказал, что первым пойдёт то, от которого зависит безопасность.

— А если у одного откажет память, у другого завтра заберут отца?

В его газете сообщение о семье арестованного так и осталось. Я не нашёл ответа, который позволил бы мне выглядеть лучше.

Мы договорились только об одном: товарищество даст пользоваться адресом для корреспонденции, пока новый лист не получит своего. Берг будет открывать письма вместе с человеком из конторы. Мою часть они обещали передавать целиком, включая то, что покажется неважным.

На выходе Короблёв остановился возле ящиков.

— У вас тут книги сырые.

Берг присела, вынула нижнюю. Снаружи она была сухой, но изнутри пахло плесенью. Короблёв помог переставить ящики на кирпичи. Мы потратили на это больше времени, чем на соглашение.

* * *

Лидия осталась последней.

Она считала деньги, которые всё-таки дали: немного от Берг, немного от Сергея Осиповича, мои первые отложенные из платы Бреннера. До нижней строки расчёта недоставало.

Я спросил, можно ли занять ещё.

Она закрыла кошелёк.

— Нет.

— Я верну с корректуры.

— Вы с неё уже возвращаете другое.

Я посмотрел на свои деньги. Они лежали отдельно: из этой суммы часть следовало отдать ей, часть — хозяйке. Для листа я мог взять остаток.

Лидия ждала. Я отделил плату за комнату и первый возврат долга. После этого на печать осталось совсем мало.

— Так мы никогда не начнём.

Она убрала полученное.

— Я обещала эти деньги сестре. Она ждала до вашего заработка. Теперь я не могу сказать ей, что появился более нужный человек.

Я впервые услышал о сестре. Хотел спросить, где она живёт, и остановился. Деньги я уже вернул; расспрос не сделал бы поступок лучше.

Лидия подала мне расчёт без рисунков.

— Что вы можете напечатать вот за это?

Считать пришлось заново.

Без повторения полного порядка, без трактата, которого у меня не было, без обещания дать всё сразу. Сведения о доставке. Поправка к опасному утверждению. Вопросы механика, на которые мы не могли ответить. Адрес для новых писем.

Получались две страницы.

— Тогда не называйте это первым номером, — сказала она. — Вы ещё не знаете, когда будет второй.

* * *

У Бреннера нашёлся кусок бумаги нужного размера.

Он сложил его пополам и дал мне подержать. Лист помещался во внутренний карман. Я сразу подумал о дороге, но хозяин говорил о другом: на небольшую бумагу нельзя было без конца добавлять строки.

Мы заказали сто двадцать экземпляров пробного листа. Треть денег внесли сразу. Остальное требовалось до выдачи тиража. За набор отвечал я: не руками, а тем, что принесу окончательный текст и оплачу изменения после пробы.

Бреннер поставил дату. До неё оставалось девять дней.

В тот же вечер Лидия дала мне письмо Анны. Оно пришло с человеком, доставившим ей торговые бумаги, и несколько дней лежало у получателя, пока Лидия не вернулась.

Анна писала о Степане.

После моего отъезда он брал мелкий набор, потом перестали давать и его. Из одной мастерской ушёл сам: требовали отвечать за недостачу чужой кассы. В другую не приняли после вопросов из части. Теперь сопровождал товары через знакомого перевозчика и искал работу на западной дороге.

В конце Анна спрашивала, нужен ли Лидии человек, знающий русскую печать.

Я перечёл письмо. На столе лежал расчёт на сто двадцать экземпляров, а под ним — имя человека, которого я однажды убрал из своего дела ради скорости.

Лидия не спросила, беру ли я его.

— Я ответила, что поговорю, если приедет, — сказала она. — Дорогу ему оплачивает хозяин груза. Остальное решит здесь.

Я сложил письмо вдоль прежнего сгиба. Анна нигде не писала, что он хочет увидеть меня.

Глава 8. Место у двери

Степан приехал на шестой день.

Я узнал об этом от мальчишки, которого Лидия прислала в печатню. Он назвал склад и сказал, что надо помочь с русской описью. Про Степана не сказал ничего. Я вытер руки, положил корректуру под стекло и пошёл за ним.

На складе пахло намокшей соломой. Двое грузчиков держали ящик на весу, третий пытался подсунуть под него доску. Из-за ящика донеслось:

— Ниже бери. У тебя палец останется.

Я остановился в дверях.

Степан стоял спиной, без шапки. Воротник чужого на вид пальто тёр ему затылок. Он придерживал край ящика коленом, пока доска не легла на место; потом отошёл и растёр ладонь. На мне взгляд задержался ненадолго.

— Здравствуй.

— Здравствуй, Степан.

Лидия позвала меня к конторке. В накладной значились четыре места, на полу стояло пять. Одно разделили в дороге, но переписать бумагу не догадались. Степан знал, где разделили, и показал два номера под свежей бечевой. Мы нашли их в описи. Хозяин склада принял груз и велел освободить проход.

Только после этого Степан надел шапку.

Я хотел спросить про дорогу. Вопрос казался таким удобным, что я его не задал.

— Анна писала, — сказал я.

— Мне тоже.

Лидия заплатила грузчикам. Один пересчитал монеты прямо на крышке ящика. Степан смотрел на его руки, пока тот не убрал деньги.

— Вы обедали? — спросила она.

Он покачал головой.

Мы пошли в кухмистерскую при складе. Там кормили тех, кто ещё не знал города: названия блюд были написаны на трёх языках, и хозяин без просьбы показывал пальцем цену. Степан выбрал похлёбку. Я заказал такую же. Лидия сказала, что уже ела, но взяла хлеб и отломила половину.

Степан сел у двери. Я узнал это движение: он и в Крони выбирал место, откуда можно было уйти, не заставляя других вставать.

* * *

Лидия спросила, на сколько дней ему заплачено.

— До сдачи. Сегодня сдал.

— Обратно обещали?

— За товаром. Если найдут попутный.

Хозяин, нанявший его, оставался по ту сторону гор. Здесь у хозяина был получатель. Товара для обратной дороги у него не нашлось. Содержать провожатого он тоже не хотел. Степан мог ждать за свой счёт или искать другой груз.

Я спросил, заходил ли он в печатни.

— В две. Здесь все места заняты. В другой язык нужен.

— У Бреннера есть русская касса.

— И наборщик есть?

Я кивнул.

Он достал из похлёбки лавровый лист и положил на край тарелки.

— Тогда зачем идти?

Я рассказал про пробный лист. Две страницы, небольшой тираж, пока никакой постоянной платы. По мере рассказа предложение становилось всё хуже. Степан слушал, не перебивая. Когда я дошёл до того, что часть набора можно было бы делать вечерами, он спросил:

— На чьём месте?

Бреннер не обещал пускать второго человека к кассе. Я и сам ещё вчера не включал свой набор в расчёт.

— Надо поговорить с хозяином.

— Ты сперва поговори.

Лидия придвинула к нему хлеб.

— У меня через неделю идут застёжки и пряжки. До западной станции. Дальше повезёт другой человек. Нужен тот, кто сдаст по счёту, а не по весу.

Степан спросил про плату, ночлег и дорогу назад. Она ответила на первые два вопроса. Обратного груза пока не было.

— Тогда и обратный проезд считайте, — сказал он.

— Если найдём груз, он будет оплачен отдельно.

— А если не найдём?

Лидия взяла у хозяина карандаш. На обороте счёта появилась ещё одна строка. Степан повернул бумагу к себе и прочёл всё сначала.

Я сидел рядом и молчал. Разговор шёл о работе, которую я прежде счёл бы слишком простой для такого человека. По лицу Степана нельзя было понять, что он думает о ней. Зато было видно, что бесплатного возвращения он не допустит.

* * *

Когда Лидия ушла, он остался допивать горячую воду.

За дверью катили тележку. Колесо ударялось о выбитую плиту каждый раз на одном месте. Я дождался, пока тележка проедет.

— Мне следовало иначе с тобой обойтись.

Он поставил чашку.

— Когда?

— В Крони.

— Я понял. В какой день?

Я вспомнил девять дней, которые дал ему на сдачу работы. Вспомнил три рубля, протянутые сверх заработанного. Тогда мне казалось, что я оставляю человеку время и деньги, а потому имею право уйти от разговора.

— В тот, когда решил, что ты мне мешаешь.

Степан провёл ногтем по трещине на чашке.

— Мешал. Медленно делал.

— Я мог оставить тебе другую работу.

— Какую?

Я не ответил сразу. Ему можно было поручить сложные листы, проверку рисунков или учеников. Всё это я придумывал теперь, за столом, где мне не приходилось платить за лишнюю неделю.

— Не знаю, — сказал я.

Он кивнул. Этот ответ его устроил больше остальных.

— У Федота получал свою долю? — спросил я.

— Что дошло — получил. За это разговора нет.

Он не собирался помогать мне превращать всё в одну невыплаченную сумму. Деньги могли оказаться отданы, а разговор всё равно оставался.

— Я не прошу возвращаться.

— Ты уже попросил. Вечерами.

Я посмотрел на пустую тарелку. На дне застыл тонкий жирный ободок.

— Да.

Степан поднялся.

— Покажи, где здесь ночуют недорого. Если знаешь.

* * *

По дороге к ночлегу Степан остановился у витрины, где выставили вывески. Золотые буквы на чёрном, красная рамка, деревянная рука, указывающая внутрь лавки. Он долго смотрел на один щит и попросил подождать.

Внутри работал молодой человек. Степан показал на щит, потом на кисти у стены. Он не знал, как по-местному называется его ремесло, и назвал его по-русски. Молодой человек понял не сразу. Я вошёл и перевёл.

Хозяина не было. Заказы принимал сын. Он дал Степану обрезок доски и спросил, может ли тот вывести несколько букв. Степан попросил краску. Молодой показал на цену, написанную мелом у полки: проба оплачивается мастером, если его возьмут, а пока материал за счёт работника.

Степан положил доску. У него не было ни своей краски, ни основания платить за чужое обещание. Я уже достал кошелёк, когда он сказал, что сейчас не надо.

На улице объяснил: кисть чужая, краска неизвестная, времени на подготовку дерева не дадут. Если получится плохо, решат, что он не умеет. Если хорошо — ещё не значит, что найдётся заказ. Он хотел сначала узнать, кто там работает и как платят.

Я предложил зайти завтра к хозяину. Степан кивнул, но не попросил пойти с ним. У витрины он снова посмотрел на щит и тихо сказал, что край буквы снят не той кистью. Я поднёс лицо ближе к стеклу, но не увидел.

Он показал ногтем, не касаясь витрины. Линия поворачивала с небольшим изломом. Для покупателя вывески это, вероятно, ничего не меняло. Степан заметил сразу. Я вспомнил слова про медленный набор. Теперь они описывали не всё, что он умел. А ведь когда-то казались достаточным основанием.

У следующего дома он спросил, далеко ли ещё. Нога у него побаливала после дороги. Я перестал вести разговор и показал короткий проход во двор.

* * *

Я отвёл его в дом через две улицы от прачечной. Хозяйка сдавала кровати на неделю; окна во двор, вода внизу, сундук под замком оставлять нельзя, потому что тогда не выметешь пол.

Степан спросил про цену одной ночи. Она назвала почти вдвое больше. Он расплатился за ночь, и я понёс наверх его узел. Узел оказался лёгким. Я поставил его на кровать, не развязывая.

Хозяйка задержалась у двери: надо было записать имя.

— Мокрицын. Степан Ильич.

Она переспросила отчество, записала как сумела и ушла.

Я стоял у окна. На дворе женщина полоскала ведро, наклоняя его так, чтобы вода не попала на башмаки. Степан вынул из узла рубаху, небольшое полотенце и завёрнутый в тряпицу футляр. Положил футляр на подоконник.

— Пишешь ещё? — спросил я.

Он проследил за моим взглядом.

— Вывески иногда. Если краску дают.

Три кисти я когда-то вернул ему вместе с вещами. На футляре был новый ремешок. Я не стал спрашивать, те ли это кисти.

Перед уходом оставил адрес Бреннера. Степан взял листок.

— Это чтобы найти тебя?

— Да.

— Тогда годится.

* * *

В печатню я вернулся к вечеру. Бреннер положил передо мной пропущенную корректуру. Русский наборщик уже ушёл; мои листы лежали поверх его работы.

— Завтра утром, — сказал хозяин.

Я сел под лампу. Через несколько строк пришлось остановиться: я читал слова и не замечал букв. Вопрос Степана про другой труд возвращался всякий раз, когда я подносил стекло.

Бреннер собирался уходить. Я спросил, найдётся ли здесь работа для хорошего наборщика, который не знает местного языка.

— На сколько листов?

Я назвал наш тираж.

— Это не работа. Это заказ.

Он снял фартук с гвоздя, свернул и убрал в шкаф. Потом подумал и сказал, что в переплётной мастерской напротив бывает подённая фальцовка. Платят мало, берут при больших заказах. Пусть человек зайдёт сам.

Утром я передал Степану адрес. Он прочёл, убрал рядом с первым и спросил, когда открывают. В тот день я больше ничего ему не предлагал.

К полудню пришла Лидия. Пряжки отправлялись в прежний срок. Степан согласился сопровождать их; до отправления попробует заработать на жильё у переплётчика.

— Можно с грузом положить наши листы? — спросил я.

— Можно спросить у него.

Она положила передо мной копию условий. Обратный проезд был вписан той же рукой, что остальные расходы.

До срока Бреннера оставалось два дня. Я придвинул окончательный текст, но сначала на отдельной бумаге написал, сколько листов хотел передать и куда. Потом зачеркнул слово «попутно».

Глава 9. Под строкой

Утром Берг принесла письмо механика.

Я увидел его ещё от двери: толстая бумага, чёрные пальцы по краям, на сгибе протёрто до волокон. Внутри был рисунок клапана. Под ним механик написал, что отвёл воду старым ручным насосом и теперь может разобрать узел. На это понадобятся деньги и два человека. Открытие Жилы повторять он не собирался, пока не поймёт, почему погас свет.

Я прочёл эти строки дважды.

Ответ на наш вопрос стоял ниже. После того случая спрашивали имена, родных и дорогу домой. Люди отвечали. Ничего нового специально запоминать им не давали.

— Значит, проверяли, — сказала Берг.

— Другое.

Я отыскал в рукописи фразу: «Проверки после долинского опыта не было». Она была короткой и ясной. Теперь пришлось её вычеркнуть.

Мы написали, что проверяли прежние воспоминания, а способность удержать новое не испытывали. Следующая строка начиналась словами «поэтому последствия неизвестны». Берг попросила убрать «поэтому».

— Он рассказывает, что люди отвечали. Ты сразу сообщаешь, чего это не стоит. Дай хоть дочитать.

Я разделил абзац. Механик прислал не доказательство моей правоты, а сведения о людях, с которыми работал. Он ещё просил передать мастерам рисунок клапана. Я хотел оставить рисунок до следующего выпуска: его нечем было набрать. Берг прочла просьбу вслух.

— Можно описать вопрос словами?

Мы потратили на это утро. Я не знал названия одной детали, и в конце пришлось написать: рисунок есть в редакции, желающим ответить пришлём копию. Адрес поставили внизу. Плата за пересылку снова осталась за нами.

* * *

Громов застал нас с полосой пробного листа.

Он пришёл за Берг: вечером собирались обсуждать помощь людям, высланным из столицы. Увидев заголовок, снял пальто и сел. Внимательно прочёл первую страницу, затем перевернул.

— Где остальное?

Я сказал, что это всё.

Он не рассмеялся. От этого стало хуже.

— У тебя есть рассказ, которого ждут. Есть способ, за который сажают. А ты печатаешь, что один получил два листа, другой три, и ни про кого ничего не известно.

Я показал вопрос о клапане.

— Это прочтёт слесарь. Может быть. А остальные?

Берг вернулась к столу и забрала карандаш из его руки. Карандаш был её, с надломленным концом, она берегла его для тонких пометок.

Громов предложил дать перед листом обращение — короткое, всего четверть страницы. О том, что разрозненные опыты уже доказали общность дела и теперь нужно связать города. Я прочёл написанное им на обороте конверта. В отличие от Левшина, он не требовал руководства для себя. Вообще не поставил имени.

— Кто это говорит? — спросил я.

— Мы.

— Кто мы?

Он посмотрел на Берг.

— Вот поэтому с вами трудно. Вы на каждое предложение ставите стул, садитесь и спрашиваете, кто его внёс.

Берг улыбнулась. Я тоже чуть не улыбнулся: он хорошо изобразил мою манеру придвигаться к бумаге.

— Я подпишу, — сказал Громов. — Если дело в подписи.

Дело было уже в другом. Мы оплатили набор двух страниц. Его четверть вытесняла письмо механика либо сведения об исправленных вложениях. Я разложил листы рядом и попросил выбрать.

Он указал на сведения о получении.

— Вот это можно послать людям отдельно. Зачем читателю знать, что у тебя не сошлись числа?

— Он может узнать свой лист.

— Может. А может закрыть газету, потому что её делают люди, которые не умеют считать.

Я открыл рот и не ответил. Именно этого я боялся с того дня, когда Берг принесла первые два письма. Теперь мне предлагали убрать подтверждение моей неловкости, и для отказа приходилось искать доводы медленнее, чем я рассчитывал.

— Оставим, — сказала Берг.

Громов повернулся к ней.

— Ты уже редактор?

Она положила карандаш.

— Нет. Я ходила на почту и открывала эти письма. У меня есть мнение о том, зачем они понадобились.

Они замолчали. Последнее слово было за мной. И тут я понял: всё утро я рассчитывал на их спор. Он избавил бы меня от этого слова.

— Сведения останутся, — сказал я. — Обращение отдельно, когда будут деньги и место. С подписью.

Громов забрал конверт. Берг проводила его до двери. На собрание она пошла вместе с ним, оставив мне ключ от комнаты.

* * *

Перед тем как отдать окончательный текст, я переписал его крупнее. Бреннер не требовал красивой руки, только чтобы слово нельзя было прочесть двумя способами. На чистовую ушёл вечер, и в конце у меня всё равно остались две вставки между строками.

Утром я принёс текст Бреннеру. Он прикинул объём линейкой и послал меня к наборщику. Он не спрашивал о Жиле. Хотел знать, где кончается цитата механика и начинаются мои слова. На рукописи это обозначалось отступом; в наборе отступ мог исчезнуть, если строка окажется длиннее.

Я показал границу. Он предложил отдельную строку с указанием, откуда письмо, и затем новый абзац. Для этого требовалось место, которого я не оставил. Мы сняли предложение, где я второй раз объяснял, зачем вообще собирать сведения.

Потом он прочёл моё сокращение имени города. Я услышал другое слово. Оно не было ошибкой набора: я сам написал так, предполагая, что русский читатель догадается. Наборщик не был этим читателем. Он ставил ровно то, что видел.

Мы раскрыли сокращение. Ещё две строки сдвинулись. Я начал считать, что можно убрать ниже, а наборщик остановил: сперва дочитаем рукопись до конца, потом будем менять ширину. Иначе три раза сделаем одну работу.

Я замолчал и стоял рядом, отвечая только на вопросы. В Крони я бы уже взял верстатку и начал исправлять сам. Здесь рабочий не давал инструмент из рук и имел на это право: за срок отвечал он, а мои глаза могли добавить ему ещё одну переделку.

Когда он закончил чтение, я отметил каждую границу цитаты и все вставки. Рукопись стала некрасивой, зато понятной. Наборщик принял размеченные листы.

На обрывке я записал для следующего раза: чужие слова отделять до набора. Это не было новым нравственным открытием. Просто теперь я знал, сколько строк стоит не сделать этого вовремя.

Мне дали стул сбоку, чтобы я мог отвечать на вопросы, пока наборщик работает. На первой странице трудностей почти не было. На второй наборщик дошёл до слов «первый отпустил прежде общего окончания» и спросил, кто первый.

Я объяснил: один из одиннадцати первых, каждый со своей шестёркой.

— Тогда так и напишите.

— Не влезет.

Он показал соседнюю строку. Там стояло моё рассуждение о необходимости точного обмена сведениями. Мы сняли его, и объяснение поместилось.

Затем он спросил, что значит «до сбора не касаться».

Я молча взял перо. Полный порядок открытия мы не печатали, но две сокращённые фразы уже позволяли человеку достроить его неверно. Пришлось убрать их совсем и оставить указание, к какому месту старого текста относится поправка. Без самого старого листа наша заметка теперь не выглядела инструкцией.

Наборщик ждал, пока я переписывал. Я платил за его ожидание. Он не мешал мне спешить и этим мешал больше всего.

На другой стороне формы стояло имя механика. В письме он подписался полностью. На отдельный вопрос, можно ли печатать имя, ответа не было: мы этого вопроса не задавали.

Я попросил оставить «механик из Долина».

— Одного хватит найти? — спросил наборщик.

Я перечёл описание. Там были мастерская у нижнего моста и название владельца машины. Для ответа на вопрос о клапане они не требовались.

— И это снимите.

Он вынул несколько строк. Я предложил освободившееся место под обращение Громова и сразу отложил его. После того, как мы с Берг весь день отказывали, это было бы удобно для меня и нечестно перед ней: её уже не было рядом.

Вместо обращения поместили просьбу сообщать, какие имена можно печатать. Последнее слово в строке оказалось слишком длинным. Наборщик заменил «опубликовать» на «назвать» и посмотрел на меня. Я согласился.

* * *

Наутро я нашёл в пробе переставленные строки.

Просьба проверять, удерживает ли человек новое, оказалась после адреса редакции. Между нею и рассказом механика стоял вопрос о клапане. Сами слова сохранились, но теперь относились непонятно к чему.

Я провёл стрелку к нужному абзацу. В тесной пробе она пересекла три строки; пришлось объяснять на словах.

Наборщик поднёс пробу к свету, сравнил с рукописью. На полях рукописи стояла моя поздняя вставка. Он принял её за приписку ко всему листу. Мы отметили место вместе, и он дал второй оттиск.

Я прочёл его. Потом ещё раз, с конца, по одному предложению. Буквы расплывались, и я перестал доверять тому, что вижу.

За мной зашёл Степан. В переплётной на сегодня работы не нашлось; он собирался к Лидии за грузовой ведомостью. Я попросил его посмотреть две строки.

Он снял шапку, склонился над листом. Прочёл всю страницу.

— Здесь правильно. На обороте адрес разорван.

Адрес товарищества перенесли между строками. Номер дома легко было принять за номер помещения. Для человека, который знал Вальбург, всё было понятно. Наши читатели его не знали.

Степан показал, какие слова снять, чтобы адрес уместился целиком. Я начал объяснять, почему жалко снимать просьбу об ответе, но он уже надел шапку.

— Тогда мельче бери. Только сам не прочтёшь.

Я вынул повтор просьбы.

— Сколько я тебе должен?

Он посмотрел сначала на меня, потом на лист.

— За две строки ничего. За пачку в дорогу поговорим у Лидии.

Он ушёл. Разрешение печатать я подписал не сразу. Сначала Берг прочла новую пробу вслух, а я следил по рукописи. На вставке она остановилась и спросила, относится ли проверка ко всем участникам. Я ответил, что ко всем. Она прочла абзац сначала, уже без остановки.

Глава 10. Пробный лист

За тиражом мы пришли без денег на дорогу.

Берг принесла остаток сбора. Я отдал то, что заработал за неделю, вычтя комнату, еду и обещанную часть долга. Вместе хватало заплатить Бреннеру. На отправку оставалось меньше, чем требовал Степан за один лишний день на станции.

Листы лежали под доской. Бреннер снял груз и дал верхний мне. На бумаге ещё чувствовался холод. Я провёл пальцем под заголовком: «Литера. Пробный лист». Ни номера, ни обещания следующего выпуска.

— Пересчитать? — спросил хозяин.

Мы пересчитали. Сто двадцать. Испорченные при приладке он оставил себе; их я попросил порвать при мне. Бреннер нахмурился, но позвал мальчика. Тот разорвал каждый поперёк строк и сложил в корзину.

Мне стало неловко, когда хозяин спросил, делаю ли я это со всеми его заказами. Я объяснил, что в первой пробе строки о проверке памяти попали в другое место. Он принёс эту пробу отдельно. Я забрал её: там были наши пометки, ни одному читателю она не предназначалась.

По дороге Берг взяла половину тиража. У ворот я хотел снова соединить пачки, чтобы не потерять счёт, но она уже убрала свою в сумку.

— Дома сложим.

Дождь начинался мелкий. Я завернул бумагу в пальто и пошёл быстрее.

* * *

Степан ждал у Лидии.

На столе лежали образцы пряжек. Он сличал их с ведомостью и откладывал те, у которых шпенёк не попадал в прорезь. Лидия собиралась вернуть их поставщику. Сначала я удивился, что она не оставит брак до следующего прихода, потом вспомнил: за границей принимали по счёту, и отвечать пришлось бы Степану.

Он закончил ряд и повернулся ко мне.

Я предложил взять сорок листов.

— Кому сдать?

— Человеку, который принимал вложения. На станции. Лидия знает.

Она назвала лавку и имя. Степан попросил записать отдельно. Потом спросил, сколько ждать, если человека не будет.

— До вечера, — сказал я.

— А если вечером придёт и скажет: утром?

Лидия убрала пряжки со стола. Я понял, что сейчас мы не договоримся, если буду отвечать по одному вопросу.

Мы составили условия заново. Листы передаются одному человеку, которого Лидия уже знала по работе. Если он отсутствует — никаких поисков по чужим адресам. Степан ждёт до отправления своего обратного поезда и везёт пачку назад. За доставку ему платят и в этом случае: он не отвечает за то, появится ли получатель.

— Мне нужен ответ, — сказал я.

— Мне тоже, — сказал Степан. — Где я ночую, если ты велишь остаться?

На ночлег денег не было. Я вычеркнул ожидание до вечера и поставил время поезда. Лидия сверила его со своей грузовой бумагой.

Плата за пакет оказалась меньше, чем за лишний день. Всё равно недоставало.

Я уже собирался попросить Степана получить часть после возвращения. Он убрал ведомость и посмотрел на меня. Я успел не произнести просьбу.

— Завтра принесу, — сказал я.

До его отъезда оставалось два дня.

* * *

У Короблёва в конторе давали чай.

Он разглядывал пробный лист, пока я стоял у стола. Попросил сесть. На полке сохли конверты, распечатанные утром; возле окна женщина вписывала адреса в книгу. Она придвинула мне чашку, не прекращая работы.

Я сказал, сколько нужно на отправку.

— В долг?

— Если иначе нельзя.

Короблёв сложил лист.

— Можно купить. Для читальни и тех, кто приходит за письмами. Десять экземпляров.

Я назвал себестоимость. Он спросил, включена ли работа Берг. Нет, не была. Моя тоже. Только бумага, набор и печать.

— Тогда не называйте это ценой, — сказал он. — Назовите взносом.

Он дал деньги из своего кошелька, велел выписать квитанцию на своё имя. Сумма закрывала пересылку и оставляла немного на конверты. Я принёс десять листов и хотел взять расписку об их получении. Короблёв удивился.

— Я только что купил их у вас.

— Чтобы не считать потом дважды.

Он расписался. Подпись заняла половину узкой бумаги.

У двери меня остановила женщина с адресной книгой.

— Здесь написано, что письма сюда. Кому отдавать, если Ольги нет?

Мы не предусмотрели её болезни, отъезда, обычного опоздания. Я сказал откладывать на отдельную полку, не вскрывая до её прихода. Женщина посмотрела на единственную свободную полку: там стоял чайник.

Короблёв услышал и вынул из шкафа небольшую коробку. Прежнюю надпись на крышке перечеркнул, написал название нашего листа. Я попросил добавить моё имя. Он протянул мне перо.

Я написал сам.

* * *

Накануне отъезда Степан пришёл забрать пачку.

Сорок листов я перевязал слишком туго. На верхнем от бечевы оставалась вмятина. Он снял перевязь, положил две картонки и связал снова. Лидия принесла плотную обёртку. Пакет получился толщиной с тонкую тетрадь.

— В пряжки? — спросил я.

— Отдельно.

Он объяснил: товар будут принимать по ведомости, могут открыть все места. Если бумаги смешать с товаром, за них начнут спрашивать с получателя пряжек. Тот про наш лист не знал и не нанимался его прятать.

Я предложил назвать пакет образцами печати.

Степан развернул верхний лист и показал заголовок.

— Читать они умеют.

Мне нечего было возразить. Я попросил отдать пакет назад.

— Зачем?

— Я не знаю, как ты его провезёшь.

— Я тоже не знал, пока ты не показал, что там.

Он сел. Мы впервые говорили о содержимом его работы без утешительного слова «попутно». По ту сторону границы лист могли отобрать. За печать без разрешения могли задер-

жать и его самого. Права требовать от него такой поездки у меня не было, даже если заплатить больше. Я сказал это, и он раздражённо поправил шапку на столе.

— Требовать не можешь. Предложить можешь. Я затем и спрашивал, кому нести.

Он прочёл обе страницы, не торопясь, придвинув лист к лампе. На вопросе механика провёл пальцем вдоль строки. Потом спросил, есть ли здесь полный порядок открытия. Я сказал, что нет.

— А знаки?

— Тоже нет.

— Рисунки на товар не похожи. Без них проще. Но если начнут читать, всё равно поймут.

Он согласился взять пакет во внутренний карман дорожной сумки. Без тайника, который не успел бы проверить; без обещания сохранить бумагу при обыске. Если решит выбросить — выбросит. Я хотел попросить хотя бы одну копию оставить, но удержался.

Лидия отсчитала деньги, которые я принёс от Короблёва. Степан расписался в получении платы. Внизу добавил, что вправе отказаться от передачи по обстоятельствам дороги. Я поставил рядом подпись.

Потом он попросил ещё один лист.

— Этот мне. Почитать до поезда.

Я дал. В книге пришлось записать отдельно: сорок — в путь, один — Степану.

* * *

В тот же вечер я зашёл в читальню с одним из местных экземпляров. Хотел увидеть, станет ли человек держать лист, который помещается во внутреннем кармане, иначе, чем старую газету.

За столом сидели двое. Один читал по-русски свободно, другой разбирал только короткие слова. Я положил лист между ними и отошёл к полке, чтобы не объяснять прежде, чем спросят.

Первый перевернул бумагу, посмотрел на оборот, затем снова на заголовок.

— Это всё?

Я кивнул.

Он прочёл поправку вслух. Второй спросил, значит ли она, что теперь открывать нельзя вообще. Первый ответил, что здесь сказано про повторение. Начал объяснять, запутался в ссылке на прежний текст и позвал меня.

Старого листа в читальне не оказалось под рукой. Экземпляр с пришитой поправкой кто-то унёс в соседнюю комнату, но там его тоже не нашли. Я пересказал нужное место. Человек выслушал и спросил, почему эту часть нельзя было напечатать рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.